

Лицейская Сага Книга 3.

Ян Митчук

Ян Митчук

Лицейская Сага. Книга 3.

<https://litres.ru/74262959>

SelfPub; 2026

Аннотация

После того как Иван Николаевич вместе со своими подельниками вернулись со своего американского вояжа, вернулись к обычной школьной жизни учителей.

На сей раз сменился директор, теперь это Бойцова Людмила Васильевна, жёсткая и справедливая, начинает наводить порядок в школе, которая пригрозила, что остановит коррупцию в школе.

А также знакомство со старыми знакомыми Ивана Николаевича.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	17
Глава 6	24
Глава 7	35
Глава 8	54
Эпилог.	91
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Ян Митчук

Лицейская Сага. Книга 3.

Глава 1

Колян Артуров закончил десятый класс. За этот год он узнал о своих учителях больше, чем за всю предыдущую жизнь. Иван Николаевич, Юлия Васильевна, Виктор Германович, Олег Александрович, Татьяна Викторовна — каждый из них оказался не просто педагогом, а целой вселенной тайн, приключений и опасностей. Но, как говорится, всё хорошее когда-нибудь заканчивается. И настало время подвести черту под этой удивительной историей. Всё началось с того, что в школе сменился директор. Алексей Борисович, который крышевал казино и делил прибыль с Иваном Николаевичем, неожиданно уволился. Поговаривали, что он уехал на ПМЖ в Таиланд с чемоданом денег и молодой любовницей. На его место прислали новую — Людмилу Васильевну.

— Здравствуйте, дети! — бодрым голосом объявила она на первой линейке. — Я ваш новый директор и учитель географии. Бойцова Людмила Васильевна. Коммунистка с тридцатилетним стажем, член КПРФ, борец за справедливость!

— Я наведу здесь порядок! — продолжала она. — Ника-

кой коррупции, никаких махинаций! Школа будет работать для детей, а не для обогащения отдельных личностей!

Иван Николаевич, стоявший в толпе учителей, помрачнел. Он сразу понял, что эта женщина — враг.

— Она будет искать казино, — шепнул он Коляну после линейки. — Чует моё сердце, найдет.

— А что тогда? — спросил Колян.

— Тогда война, Артур. Тихая, подковерная, но война.

Людмила Васильевна оказалась просто отличным педагогом, справедливым и мудрым. Она ходила по школе с блокнотом, записывала подозрительные моменты, задавала неудобные вопросы.

— А почему у вас, Иван Николаевич, такая дорогая машина? На учительскую зарплату не похоже, — приставала она.

— Родственники помогли, Людмила Васильевна, — спокойно отвечал Иван Николаевич.

— А почему у вас, Виктор Германович, в кабинете такое сложное оборудование? Для информатики многовато.

— Хобби у меня, — улыбался Виктор. — Радиолюбитель.

— А у вас, Олег Александрович, почему из подвала так странно пахнет?

— Химические опыты, — басил Олег. — Для углубленного изучения физики.

Но Людмила Васильевна не унималась. Она чувствовала: здесь что-то нечисто.

В помощь себе Людмила Васильевна взяла новую учительницу химии — Наталью Валерьевну. Они были одногодками, с хорошим юмором, с умными глазами и вечно дрожащими руками.

— Это наш новый педагог, — представила её Людмила Васильевна.

— Курбатова Наталья Валерьевна будет вести химию и помогать мне с инвентаризацией школьных помещений.

Колян сразу заметил, как странно переглянулись Олег Александрович и Виктор Германович, когда увидели Наталью. А Иван Николаевич едва заметно покачал головой.

— Что-то здесь не так, — шепнул он Коляну. — Присмотрись к ней.

И Колян присмотрелся. Наталья Валерьевна действительно вела себя странно. Она постоянно отпрашивалась с уроков, бегала в подвал, нервничала, когда кто-то подходил к её шкафам с реактивами. А однажды Колян заметил, как она выносила из школы большие черные пакеты и грузила их в чужую машину.

— Она что-то скрывает, — сказал Колян Ивану Николаевичу.

— Ещё бы, — усмехнулся тот.

— Но что именно — узнаем.

Разгадка пришла неожиданно. Однажды Колян задержался после уроков, чтобы помочь Ивану Николаевичу с документами по казино (он уже был своим в этом деле). Прохо-

дя мимо подвала, он услышал странные звуки — шипение, бульканье, чьи-то голоса. Он приоткрыл дверь и обомлел. Под школой, в старом бомбоубежище, была оборудована настоящая химическая лаборатория. Колбы, пробирки, реторты, какие-то сложные установки. А посреди всего этого стояла Наталья Валерьевна в белом халате и противогазе, колдовавшая над огромной колбой с бурлящей жидкостью.

— Твою ж дивизию, — прошептал Колян. В этот момент сзади подошёл Иван Николаевич.

— Видишь, Артур? — сказал он спокойно. — Наша химичка варит наркотики. Прямо под носом у директорши.

— Какие наркотики? — не понял Колян.

— Самые разные, — Иван Николаевич прищурился. — Синтетику, судя по запаху. Метамфетамин, МДМА, может, что покрепче. У неё тут целая фабрика. Как в Сургуте.

— И что теперь?

— А ничего, — усмехнулся учитель. — Теперь у нас есть козырь. Наталья Валерьевна думает, что она одна тут такая умная. Но она не знает, что мы о ней знаем. И если что — мы сможем её прижать.

Глава 2

Через неделю в баню Ивана Николаевича собрались все старые друзья. Виктор Германович, Олег Александрович, Татьяна Викторовна (специально прилетела из Молдавии), ну и сам хозяин. Колян, по традиции, сидел в предбаннике и подслушивал.

— Так, мужики (и женщина), — начал Иван Николаевич, разливая самогон.

— Ситуация патовая. Людмила Васильевна роет носом землю. Казино она скоро найдет — это вопрос времени. Наталья Валерьевна, конечно, наш тайный союзник, сама того не зная, но если её лабораторию прикроют, нам это не поможет.

— А что ты предлагаешь? — спросил Виктор Германович. — Нужно отвлечь Людмилу, — сказал Иван Николаевич. — Подсунуть ей какую-то другую проблему, чтобы она забыла про казино.

— Можно организовать ей вызов в горком партии, — предложил Олег Александрович. — У меня там есть знакомые. Скажут, что срочно нужно отчитаться о работе.

— Это на день, максимум на два, — покачал головой Виктор. — А нам нужно больше.

— А если... — Татьяна Викторовна задумалась. — А если подставить её? Сделать так, чтобы её саму заподозрили в

коррупции?

— Это как? — удивился Иван Николаевич.

— Ну, не знаю... подбросить деньги в кабинет, анонимку написать... — предложила Татьяна.

— Не пойдет, — отрезал Иван. — Она чистая, как слеза комсомолки. Её не подставишь. Нужно что-то другое.

В предбаннике Колян затаил дыхание. И тут его осенило.

— А можно? — он высунул голову. — Я придумал!

Все обернулись.

— Ну давай, Артур, — кивнул Иван Николаевич. — А нужно Наталью Валерьевну сдать Людмиле Васильевне! — выпалил Колян. — Но не по-настоящему, а так, чтобы они друг друга нейтрализовали!

— Поясни, — нахмурился Олег.

— Смотрите, — Колян вошел в комнату и встал в позу оратора. — Людмила Васильевна ищет врагов. Если она узнает, что под школой нарколаборатория, она туда сразу полезет. А Наталья Валерьевна, когда её прижмут, может сдать всех, кого знает, лишь бы спастись. Но если мы предупредим Наталью, что её вот-вот накроют, она может... ну, не знаю, уничтожить улики и сбежать. А Людмила останется с носом.

— А что нам с того? — спросил Виктор.

— А то, — продолжал Колян, — что Наталья Валерьевна будет нам благодарна за предупреждение и станет нашим союзником. А Людмила, потратив время на поиски лаборатории и ничего не найдя, ослабит бдительность. И мы выиг-

раем время!

В комнате повисла тишина.

— Артур, — сказал наконец Иван Николаевич, — а из тебя вышел бы неплохой стратег. Может, после школы ко мне в казино работать пойдешь?

— Я еще учусь, — смутился Колян.

— Ладно, — подвел итог Иван Николаевич. — План принимается.

Глава 3

На следующий день Виктор Германович через свои хакерские каналы отправил Людмиле Васильевне анонимное письмо: "В подвале школы, в старом бомбоубежище, находится нарколаборатория. Проверьте срочно!".

Людмила Васильевна, получив письмо, сразу же бросилась к Наталье Валерьевне.

— Наталья Валерьевна! — закричала она, врываясь в кабинет химии. — У меня информация, что в подвале... что там у вас?

Наталья Валерьевна побледнела, но быстро взяла себя в руки.

— В подвале? А что в подвале? Там старые реактивы, я иногда провожу там опыты для старшеклассников.

— Опыты? — прищурилась Людмила. — Сейчас проверим!

Они спустились в подвал. Но когда открыли дверь бомбоубежища, там было пусто. Ни колб, ни пробирок, ни установок. Только старые парты и дохлые мыши в банках.

— Странно, — пробормотала Людмила. — Анонимка была точная.

— Мало ли кто пишет анонимки, — пожала плечами Наталья. — Врагов у вас, наверное, много.

Людмила ушла ни с чем. А Наталья Валерьевна, вернув-

шись в кабинет, нашла записку: "Мы знаем о твоём деле. Но мы молчим. Если будешь помогать нам против Людмилы, останешься на свободе. Если нет — завтра полиция найдет твою лабораторию в другом месте. Жди указаний". Наталья поняла: её взяли в оборот. Но выбора не было.

Глава 4

Прошло полгода. Казино Ивана Николаевича процветало. Официально это называлось "Клуб интеллектуального досуга 'Березка'". Там стояли игровые автоматы, столы для покера и рулетка. Половина прибыли шла на ремонт школы, половина — в карман Ивана Николаевича и его партнеров. Людмила Васильевна так и не нашла казино — оно было замаскировано под бывший тир в подвале соседнего дома. Юлия Васильевна, бывшая учительница истории, обещала окончательно. Вернувшись в Германию, она попыталась организовать неонацистский переворот. Собрала группу таких же фанатиков, захватила небольшую радиостанцию в Баварии и объявила о создании Четвертого рейха. Но НАТО среагировало быстро: через три часа спецназ ФРГ при поддержке американских вертолетов взял штурмом её убежище. Юлию Васильевну арестовали и отправили в психиатрическую клинику строгого режима. Говорят, она до сих пор поёт нацистские марши и требует встречи с канцлером. Олег Александрович и Виктор Германович продолжали тусоваться и бухать. Они открыли небольшой бизнес по продаже самогона (легального, конечно) и каждую пятницу сидели в бане Ивана Николаевича, вспоминая былые приключения. Иногда к ним присоединялась Наталья Валерьевна — она оказалась своей в доску, особенно после того, как Иван Ни-

колаевич помог ей легализовать её химические таланты. Теперь она варила элитные настойки на травах для казино. Татьяна Викторовна так и осталась в Молдавии. Поселилась в Гагаузии, открыла там маленькую школу, где учила детей биологии и, по слухам, готовила следующее поколение борцов за независимость. Иногда её видели в компании башкана Гуцул, которую наконец выпустили из тюрьмы. Сестра-президент Майя Санду публично заявляла, что у неё нет сестры-близнеца, но многие молдаване шептались, что видели "двойника" на митингах оппозиции. Людмила Васильевна так и не сдалась. Она продолжала бороться с коррупцией, но её постоянно отвлекали ложными сигналами. То ей сообщали о подпольном цехе по производству взрывчатки (который оказывался старым складом школьного инвентаря), то о незаконном игорном доме (который был просто компьютерным клубом), то о шпионском гнезде (где на самом деле собирались пенсионеры-шахматисты). В конце концов она махнула рукой и сосредоточилась на преподавании географии. Говорят, её уроки были самыми скучными в школе, но зато честными. Наталья Валерьевна стала правой рукой Ивана Николаевича. Она отвечала за качество напитков в казино и за химическую чистку оборудования. Людмила Васильевна подозревала её в нечестности, но доказательств не было. К тому же Наталья всегда первой предлагала помощь в любых школьных мероприятиях, создавая образ идеальной учительницы.

А Колян Артуров продолжал учиться в школе. Он перешёл в одиннадцатый класс и теперь готовился к выпускным экзаменам. Уроки ОБЖ по-прежнему вёл Иван Николаевич, и Колян сидел на них с особенным вниманием. Ведь кто знает, когда пригодятся навыки выживания, которым учит бывший полковник? Иногда, вечером, Колян заходил в баню к Ивану Николаевичу. Там уже собирались свои: Виктор с Олегом, иногда Наталья, а однажды даже заезжала Татьяна Викторовна проездом из Молдавии. Они пили чай (или не чай), вспоминали прошлое и строили планы на будущее.

— А что дальше будет? — спросил как-то Колян, сидя на лавке и глядя на догорающие угли.

— Дальше, Артур, — ответил Иван Николаевич, затягиваясь сигаретой, — дальше будет жизнь. Обычная, скучная, предсказуемая. Без переворотов, без погонь, без тайн.

— Врёте, — улыбнулся Колян. — Вы без этого не можете.

Иван Николаевич посмотрел на него долгим взглядом и вдруг усмехнулся.

— А ты прав, Артур. Не могу. Поэтому... готовься. Через месяц у нас новая операция. — Какая? — насторожился Колян.

— Говорят, в Антарктиде наши ученые нашли что-то интересное. Американцы тоже туда лезут. Надо бы опередить.

Колян закатил глаза.

— Иван Николаевич, ну сколько можно? Я же в школу хожу!

— Успеешь в школу, — хлопнул его по плечу учитель. — Жизнь — она длинная. А такие приключения выпадают раз в сто лет. Так что собирайся. Через две недели вылетаем.

Колян вздохнул, но в душе у него пели птицы. Потому что на самом деле он любил эти приключения. Любил этих странных, безумных, но родных людей. Любил свою школу, где каждый учитель — легенда. А за окном светило солнце. И мир, такой огромный и загадочный, ждал новых героев.

Глава 5

Колян Артуров сидел в бане Ивана Николаевича и слушал, как за стенкой веселятся старики. Олег Александрович и Виктор Германович уже изрядно набрались и травили байки из молодости. Иван Николаевич, как всегда, курил в углу и только покачивал головой.

— А помнишь, Олег, как мы в девяносто восьмом познакомились? — заржал Виктор, разливая самогон.

— Ещё бы не помнить! — крикнул Олег. — Ты тогда такой тощий был, очкастый, я думал — студент-заочник.

— А ты — медведь медведем, в телогрейке, с ящиком чего-то запрещённого и даже вес не изменился.

— Это был не ящик, — обиделся Олег. — Это был стратегический груз.

— Стратегический, ага, — засмеялся Виктор. — Тридцать килограмм тротила. Для школьных опытов, да?

Колян высунул голову из предбанника.

— А расскажете? — попросил он. — Как всё начиналось?

Иван Николаевич кивнул старикам:— Расскажите, чего уж там. Всё равно Артур теперь свой.

Олег Александрович откинулся на лавке и начал рассказ.

— Это был девяносто восьмой год. Страна после дефолта лежала в руинах. Я тогда работал в НИИ ядерной физики в подмосковном Обнинске. Умный был, молодой, перспектив-

ный. Но зарплату не платили полгода. А у меня семья, дети. Надо было выживать.

— А я тогда из ФСБ уволился, — подхватил Виктор, поправляя очки. — Системным администратором работал, имел доступ к секретным базам. Но когда понял, что мои данные используют для зачистки неугодных, плюнул и ушёл. Думал, в IT-бизнес подамся. А куда там — в девяносто восьмом бизнес был только криминальный.

— И как вы встретились?

— На вокзале, — усмехнулся Олег. — Я приехал в Москву продавать кое-что из лаборатории. Не спрашивай, что. Просто скажу — радиоактивное. Виктор там же крутился, искал покупателей на базы данных ФСБ. Мы оба были голодные, злые и отчаявшиеся.

— Я к нему подошёл, — продолжил Виктор. — Увидел, что мужик с ящиком нервничает. Спросил: "Торгуешь?" Он говорит: "Торгую". Я говорю: "Я тоже". И пошли пить пиво.

— А потом появился Иван, — вставил Олег, кивая на учителя ОБЖ.

— Я тогда уже был в бегах, — негромко сказал Иван Николаевич. — Из Сургута сбежал, за мной ФСБ охотилось. Прятался у знакомых в Москве, в коммуналке на окраине. Деньги кончались, вариантов не было.

— Нас познакомил общий знакомый, — вспоминал Виктор. — Сказал: "Есть человек, которому нужно свалить из страны. Очень нужно. Поможете — и вам перепадёт".

— Мы тогда сидели в этой самой коммуналке, — Олег разлил ещё по одной. — Иван нам всё рассказал. Про Сургут, про наркомафию, про побег. Мы слушали и офигевали. Мент, который крышевал наркоту, да и ещё заядлый взяточник, сбежал из-под стражи, за ним Интерпол охотится.

— А вы не побоялись? — спросил Колян.

— А чего бояться? — удивился Виктор. — Мы сами были по уши в дерьме. Олег с его радиоактивными материалами, я с краденными базами. Нас бы тоже надолго не хватило. А Иван предложил дело.

— Какое дело? — Колян подался вперёд.

— Иван сказал, — продолжил Олег, — что ему нужно уйти в Афганистан. Там у него знакомые моджахеды ещё с первой войны. Спрячут, дадут работу. Но границы тогда были на замке. Особенно для такого беглого полковника.

— А я знал, как это сделать, — усмехнулся Виктор. — У меня остались доступы к базам ФСБ. Я мог сделать такие документы, что сам чёрт не отличит.

— А у меня был товар, — добавил Олег. — Радиоактивные изотопы. Ценный груз для тех, кто хотел сделать грязную бомбу. Я думал продать их каким-нибудь чеченцам, но Иван предложил лучше: обменять на услуги контрабандистов.

— И вы согласились?

— А куда деваться? — развёл руками Виктор. — Либо мы помогаем Ивану, и он нас потом вытаскивает, либо мы

поодиночке сгниём в тюрьме или под забором.

— Маршрут был сложный, — Иван Николаевич сам взял слово. — Через Казахстан, потом через Таджикистан, потом через горы в Афганистан. На каждом этапе нужны были люди, проводники, взятки.

— Мы с Виктором стали логистами, — гордо сказал Олег. — Я отвечал за груз, Виктор — за документы и связь.

— Первая партия изотопов ушла в Казахстан в ноябре, — вспоминал Виктор. — Завернули в свинец, упаковали как запчасти для тракторов. Провезли через границу в фуре с удобрениями. Таможенники даже не посмотрели.

— А вторая партия — уже в Таджикистан, — кивнул Олег. — Там было сложнее. Горы, блокпосты, везде люди с автоматами. Но у меня там знакомый был, ещё по старым временам. Бывший советский военный, перешёл на сторону полевых командиров. Он пропустил.

— А я в это время сидел в Москве и делал документы, — добавил Виктор.

— Иван стал "Иваном Петровичем Сидоровым", коммерсантом из Новосибирска, едущим закупать овец в Казахстане. Смешно, да?

— Не смешно, — покачал головой Иван Николаевич. — Если бы меня тогда поймали, расстреляли бы без суда.

— Самый опасный момент был на таджикско-афганской границе, — Олег понизил голос. — Там река Пяндж, мосты, пограничники. Мы шли ночью, с проводниками. Изотопы —

в рюкзаке у Ивана. Я нёс автомат, Виктор — рацию.

— Я тогда впервые в жизни стрелял, — признался Виктор. — Не в людей, слава богу. Просто в воздух, когда пограничники начали палить. Сработал эффект неожиданности.

— А я чуть с обрыва не сорвался, — усмехнулся Олег. — Рюкзак тяжелый, темно, нога соскользнула. Иван меня за шкуру вытянул. Сильный был мужик.

— Мы перешли границу в районе кишлака Московский, — вспоминал Иван Николаевич. — Там уже ждали люди Ахмад-шаха. Старые знакомые. Они меня узнали, приняли как брата.

— А изотопы? — спросил Колян.

— Отдали им, — пожал плечами Иван. — Не мне же их с собой в горы таскать. Ахмад-шах потом сделал из них какую-то бомбу, говорят, продал талибам. Но это уже не моя забота.

— Мы простились на берегу Пянджа, — Виктор снял очки и протёр их. — Иван ушёл в темноту, в горы. А мы с Олегом остались стоять, смотреть вслед. Думали, что видим его в последний раз.

— А я думал, — добавил Олег, — что если он выживет, то мы обязательно встретимся. Почему-то был уверен.

— И встретились, — улыбнулся Иван Николаевич. — Через два года в Ираке, но это история на другой раз.

— А что было после? — спросил Колян.

— После? — переглянулись Виктор и Олег. — После мы

вернулись в Москву. Деньги у нас были — Иван отсыпал щедро. Я купил квартиру, — сказал Виктор.

— А я открыл маленькую мастерскую по ремонту техники, но и потом меня по работе отправили в Ирак — добавил Олег. — Легализовались, затихарились. А потом, в две тысячи десятом, переехали в этот город. Иван позвал. Сказал, что хочет открыть казино, нужны надёжные люди.

— Почему вы согласились?

— А чего нет? — пожал плечами Олег. — Свои люди, общее прошлое. Да и скучно нам без приключений было.

— А изотопы те? — спросил Колян. — Не жалко было отдавать?

— Жалко, — признался Олег. — Но это была плата за свободу. И за дружбу. Иван, считай, нас с того света вытащил. Если бы не его идея с побегом, мы бы так и болтались в Москве, пока не сели бы.

— А сейчас?

— А сейчас мы старые пердуны, — засмеялся Виктор. — Греем кости в бане, пьём самогон и вспоминаем молодость. Лучшая жизнь, чем в тюрьме, правда?

— Правда, — кивнул Иван Николаевич.

Колян сидел и думал о том, как всё переплетено в этом мире. Трое мужиков, которые когда-то рисковали жизнью, переходя границу с радиоактивным грузом, теперь сидят в бане и мирно бухают. А он, обычный школьник, слушает их истории и чувствует себя частью чего-то великого.

— А вы бы повторили? — спросил он.

— Что, переход границы? — переспросил Олег. — В молодости — да. Сейчас — нет. Сейчас я лучше в баньке посижу.

— А я бы повторил, — неожиданно сказал Виктор. — Ради таких моментов, как сейчас. Ради дружбы.

— За дружбу! — поднял стакан Иван Николаевич.

— За дружбу! — поддержали все.

Колян проснулся на рассвете. В бане храпели трое стариков, укрывшись кто чем. Тишина была такой мирной, что не верилось, что эти люди когда-то были контрабандистами, беглецами, авантюристами. Он вышел на крыльцо, вдохнул свежий воздух и улыбнулся. Где-то далеко, за горами и морями, лежал Афганистан. Тот самый, куда двадцать лет назад ушёл Иван Николаевич, чтобы начать новую жизнь. И кто знает, может быть, когда-нибудь Колян сам отправится в такое же приключение. Но пока — школа, уроки, экзамены. И старые друзья, которые всегда готовы рассказать очередную историю.

Глава 6

Колян Артуров сидел в бане Ивана Николаевича и слушал очередную историю. На этот раз компания была неполной — Олег Александрович и Виктор Германович уехали в Иран по каким-то своим делам, а Татьяна Викторовна осталась в Молдавии. Только Иван Николаевич и Колян коротали вечер за чаем (Иван, как всегда, добавил в свой стакан немного самогона "для согреву").

— Иван Николаевич, — спросил Колян, — а вы никогда не рассказывали про полковника Ахмеда. Того самого, с которым вы в Ираке познакомились. Который вам про брата рассказал.

Иван Николаевич задумался, помрачнел, потом усмехнулся.

— Ахмед... Да, это был человек. Настоящий воин. Хочешь историю? Слушай.

Он отхлебнул чай, закурил и начал рассказ.

— Мы познакомились в две тысячи четвёртом, — начал Иван Николаевич. — Я тогда уже год как был в Ираке. Американцы только-только вошли, Саддама свергли, началась заваруха. Я работал инструктором у суннитских племён в так называемом "суннитском треугольнике". Учил их воевать против оккупантов.

— А он кто был?

— Ахмед — бывший полковник республиканской гвардии Саддама. Элитное подразделение, личная гвардия диктатора. После падения Багдада он ушёл в подполье и организовал один из самых эффективных партизанских отрядов. Иван Николаевич затянулся сигаретой.

— Я тогда жил в разрушенном доме на окраине Эль-Фаллуджи. Город бомбили каждый день, трупы на улицах валялись, как собаки. Приходят ко мне местные и говорят: "Есть один человек, хочет с тобой встретиться. Говорит, что слышал о русском инструкторе". Я согласился. Он пришёл ночью, — продолжал Иван. — Высокий, сухой, с жёстким лицом и глазами, которые видели слишком много смертей. Форма старая, иракская, но чистая. Автомат Калашникова на плече. Поздоровался по-арабски, сел, попросил чай.

— Вы говорили по-арабски?

— Немного. Я тогда уже несколько лет в арабском мире крутился, кое-что понимал. Ахмед знал английский, так что общались на смеси. Он сразу сказал: "Я слышал, ты учишь наших людей воевать. Но они — крестьяне, пастухи. Им нужен не просто инструктор, а командир. Я предлагаю тебе работать со мной".

— И вы согласились?

— А куда деваться? — усмехнулся Иван. — У него было оружие, люди, связи. У меня — опыт. Мы быстро нашли общий язык.

Дальше Иван Николаевич рассказывал о совместных опе-

рациях. Как они минировали дороги, по которым шли американские колонны. Как устраивали засады в пустыне. Как прятались от беспилотников в пещерах и подвалах.

— Ахмед был гениальным тактиком, — говорил Иван. — Он знал каждую тропинку в пустыне, каждый колодец, каждое укрытие. Американцы с их навороченной техникой были как слепые котята. Мы били их и уходили без потерь.

— А вы с ним дружили?

— Станный вопрос, Артур. На войне дружба — это когда ты готов прикрыть спину, а он готов умереть за тебя. Мы были братьями по оружию. Я спас ему жизнь три раза. Он мне — дважды.

Иван затушил сигарету.

— Однажды мы попали в засаду. Американский спецназ, "морские котики", человек двадцать. Нас было пятеро. Ахмед получил пулю в плечо, истекал кровью. Я вытащил его под шквальным огнём, тащил на себе три километра по пустыне. Думал, что не дойдём. Но дошли. Он потом сказал: "Теперь я твой должник до конца жизни".

— А помните, вы рассказывали, что он показал вам фотографию? — спросил Колян. — Где вы с братом?

Иван Николаевич кивнул.

— Это было в две тысячи пятом. Мы сидели в подвале разрушенного дома в Рамади. Город бомбили, сверху сыпалась штукатурка. Ахмед вдруг стал серьёзным и сказал: "Иван, я знаю о тебе то, чего ты сам не знаешь". Я удивился.

Он достал старую фотографию, потрепанную, пожелтевшую.

— Та самая?

— Та самая. На ней были двое молодых парней, очень похожих. Как близнецы. Я смотрю и не понимаю. Ахмед говорит: "Это твой брат, Иван. Твой брат-близнец". Я чуть чаем не поперхнулся.

— Откуда он узнал?

— У Ахмеда были связи по всему миру. Старые знакомые ещё со времён Саддама, иракская разведка, которая работала в Европе и Америке. Они накопили досье на многих политиков. И в одном из досье было это фото и информация о том, что у президента Клинтона есть брат-близнец, который пропал в детстве.

— И он сразу понял, что это вы?

— Не сразу, — покачал головой Иван. — Сопоставил факты. Русский, мой возраст, внешность. Потом проверил через своих людей. Подтвердилось.

— А он был знаком с бен Ладеном? — спросил Колян.

— Косвенно, — кивнул Иван. — Ахмед не был фанатиком, как Усама. Он был военным, прагматиком. Для него главное было — изгнать американцев из Ирака. А бен Ладен... они встречались пару раз в Сирии, обсуждали координацию. Но Ахмед не любил "Аль-Каиду". Считал их слишком радикальными и неуправляемыми.

— А как он относился к вам после того, как узнал про брата?

— С уважением, — ответил Иван. — Он сказал: "Ты мог бы быть президентом Америки, а воюешь на нашей стороне. Это дорогого стоит". Мы ещё больше сблизились.

— А потом был план встречи с Клинтоном, — напомнил Колян.

— Да, — вздохнул Иван. — Ахмед помогал его разрабатывать. У него были люди в Европе, в Америке. Он нашёл каналы, через которые можно было выйти на охрану президента. Но операция провалилась.

— Из-за предательства?

— Из-за идиотизма, — жёстко сказал Иван.

— Кто-то из "Аль-Каиды" решил, что если я договорюсь с Клинтоном, то джихад потеряет смысл. Сдали меня своим же. Ахмед потом нашёл тех, кто это сделал. Говорят, их нашли в пустыне с перерезанными глотками.

— Это он?

— Не знаю, — усмехнулся Иван. — Не спрашивал.

— Когда вы уходили из Ирака? — спросил Колян. — В две тысячи шестом. Обстановка накалялась, американцы зачищали провинцию за провинцией. Ахмед сказал: "Уходи, Иван. Здесь скоро станет совсем жарко. Ты нам ещё понадобишься". Мы обнялись на прощание в каком-то захолустном городке возле сирийской границы.

— И больше не виделись?

— Один раз, в две тысячи десятом, — ответил Иван. — Я уже вернулся в Россию, вёл тихую жизнь. Ахмед приехал в

Москву под чужим именем, с дипломатическим паспортом. Мы встретились в ресторане, пили водку (он её не любил, но для меня пил). Он рассказал, что американцы уходят из Ирака, что его отряд распущен, что он стал советником при новом правительстве.

— И что он сейчас делает?

— Не знаю, — честно сказал Иван. — После две тысячи четырнадцатого, когда появилось ИГИЛ, многие старые командиры или погибли, или ушли в тень. Ахмед был слишком умён, чтобы связываться с этими фанатиками. Думаю, он жив. Где-то в Турции или в Иордании. Живёт тихо, пишет мемуары.

— А какой он был человек? — спросил Колян. — Не как воин, а просто человек?

Иван Николаевич задумался надолго.

— Он был... честным, — сказал наконец. — Для арабского мира это редкость. Он никогда не врал мне, никогда не предавал. Мог быть жестоким с врагами, но своих берёг. Любил поэзию, знал наизусть старых арабских поэтов. Иногда, сидя у костра, читал стихи. Красиво, даже я понимал.

— А семья у него была?

— Была. Жена и двое детей. Они погибли в две тысячи третьем, при бомбёжке Багдада. Американская ракета попала в их дом. После этого Ахмед поклялся мстить до конца жизни. Он и мстил. Пока мог.

— Страшно, — прошептал Колян.

— Страшно, Артур, — согласился Иван. — Война всегда страшна. Особенно для тех, кто теряет близких.

— А он вас чему-нибудь научил? — спросил Колян.

— Многому, — кивнул Иван. — Главное — терпению. Ахмед говорил: "Американцы думают, что войну можно выиграть за неделю. Мы, арабы, знаем, что война может длиться десятилетиями. Главное — не сдаваться". Он научил меня ждать, выбирать момент, не лезть на рожон.

— А вы его? — Я научил его стрелять из гранатомёта, — усмехнулся Иван. — И планировать засады. До меня он воевал как типичный иракец — храбро, но без системы. Я дал ему систему. Он потом говорил, что это спасло жизнь десяткам его людей.

— Вы о нём часто думаете? — спросил Колян.

— Иногда, — признался Иван. — Особенно когда пью чай. Он всегда пил чай с кардамоном, обжигаяще горячий. Говорил, что только так можно почувствовать вкус жизни. Сейчас, когда я завариваю свой дешёвый чай, иногда добавляю щепотку кардамона. В память о нём.

Он помолчал.

— Знаешь, Артур, я встретил в жизни много людей. Хороших и плохих. Ахмед был из тех, кого я уважаю. Он воевал за свою землю, за свой народ. Не за идеологию, не за деньги, не за власть. Просто за право жить на своей земле. И за это я готов простить ему всё.

— А есть что прощать?

— Все мы грешны, — уклончиво ответил Иван. — И Ахмед тоже не ангел. Но судить его — не моё дело.

В этот момент в дверь бани постучали. Иван Николаевич нахмурился — обычно в такое время к нему не приходили.

— Кто там?

Дверь открылась. На пороге стоял высокий седой мужчина в дорогом костюме, с арабскими чертами лица и тростью в руке. За его спиной маячили двое охранников.

— Иван, — сказал он с лёгким акцентом. — Ты всё ещё пьёшь этот ужасный чай?

Иван Николаевич замер. Потом медленно поднялся, и на его лице появилась редкая, искренняя улыбка.

— Ахмед... Твою ж дивизию, Ахмед! Они обнялись, хлопая друг друга по спине. Старый полковник был жив и стоял прямо здесь, в этой бане.

— Как ты меня нашёл? — спросил Иван.

— Ты оставил слишком много следов, — усмехнулся Ахмед. — Казино, побег в Америку, Украина... Мне помогли старые друзья из российской разведки.

— Ты теперь с ними работаешь?

— Консультирую, — скромно ответил Ахмед. — Иногда. Но сейчас я здесь, чтобы увидеть старого друга. И чтобы выпить с ним чаю. Настоящего, с кардамоном.

Иван Николаевич засуетился, ставя чайник. Колян сидел в углу и смотрел на эту сцену, не веря своим глазам. Легендарный полковник Ахмед, о котором он столько слышал, стоял

в бане у Ивана Николаевича, как старый друг.

— А это кто? — спросил Ахмед, кивая на Коляна.

— Это Артур, — ответил Иван. — Мой ученик. И хранитель всех моих тайн. Ему можно доверять.

Ахмед посмотрел на Коляна долгим, пронизывающим взглядом.

— Хороший мальчик, — сказал он наконец. — Вижу по глазам. Если Иван тебе доверяет, значит, ты свой.

Он протянул руку. Колян пожал её, чувствуя твёрдую, сухую ладонь человека, который держал оружие всю жизнь.

— Очень приятно, — сказал Колян.

— Взаимно, — улыбнулся Ахмед. — А теперь давайте пить чай. У меня есть что рассказать. Ирак, Сирия, новые союзники... Иван, ты даже не представляешь, какие дела творятся на Ближнем Востоке.

— Представляю, — усмехнулся Иван Николаевич. — Я всегда представляю. Но рассказывай. Мы слушаем.

До самого утра они сидели в бане. Ахмед рассказывал о том, как выжил после Ирака, как работал советником в Сирии, как встречался с тайными эмиссарами из разных стран. Иван Николаевич слушал, кивал и иногда вставлял замечания. Колян сидел тихо, как мышь, впитывая каждое слово. На рассвете Ахмед поднялся.

— Мне пора, — сказал он. — Дела. Но я хочу, чтобы ты знал, Иван: если тебе когда-нибудь понадобится помощь, я приду. Где бы ты ни был.

— Я знаю, — кивнул Иван. — Спасибо, брат.

— Брат, — повторил Ахмед. — Хорошее слово.

Они обнялись на прощание. Ахмед вышел из бани, сел в чёрный внедорожник и уехал. Колян смотрел вслед машине, пока она не скрылась за поворотом.

— Иван Николаевич, — спросил он, — а вы увидите ещё?

— Не знаю, Артур, — ответил учитель. — Может, да. Может, нет. Но такие встречи не забываются.

Он закурил и посмотрел на восходящее солнце.

— Знаешь, что самое главное в жизни?

— Что? — Друзья, — сказал Иван Николаевич. — Настоящие друзья, которые придут, когда ты их не ждёшь. И уйдут, оставив тепло в душе. Всё остальное — пыль.

Колян кивнул. Он понял.

Через месяц Колян получил по почте странную посылку. Внутри была старая фотография — двое мужчин в военной форме, иракец и русский, обнимаются на фоне пустыни. На обороте надпись: "Ивану от Ахмеда. Эль-Фаллуджа, 2004. Помни". И больше ничего. Колян отнёс фотографию Ивану Николаевичу. Тот долго смотрел на неё, потом аккуратно положил в старый альбом.

— Спасибо, Артур, — сказал он. — Это дорогого стоит.

С тех пор фотография висела на стене в бане, напоминая о том, что настоящая дружба не знает границ, национальностей и времени.

Глава 7

Колян Артуров сидел в бане Ивана Николаевича и перебирал старые фотографии, которые нашел в школьном архиве. Снимки были пожелтевшие, потрепанные временем, но на некоторых он узнавал знакомые лица. Вот Иван Николаевич молодой, в милицейской форме. Вот Виктор Германович с огромным компьютером девяностых. Вот Олег Александрович с какой-то сложной установкой.

— Иван Николаевич, — спросил Колян, — а вы моих родителей знали? Ну, до того, как я в школу пошел?

Иван Николаевич замер с кружкой чая в руке.

— Твоих родителей? — переспросил он странным голосом. — А что, они тебе сами не рассказывали?

— Рассказывали, но как-то скудно, — признался Колян. — Отец говорит, что работал на заводе, мать — в бухгалтерии. Дядя Виталик вообще молчит, когда я спрашиваю про молодость. А ведь вы их наверняка знали. Вы же всех знаете.

Иван Николаевич поставил кружку и закурил.

— Садись, Артур. Разговор будет долгим. И, наверное, трудным для тебя. Твоего отца, Виктора Артуровича, я знаю больше тридцати лет, — начал Иван Николаевич.

— Мы познакомились в одна тысяча девятьсот девяносто втором году в Сургуте. Я тогда уже был майором милиции, а он... он был молодым, дерзким, только из армии вернулся.

— Из армии? — удивился Колян.

— Он никогда не рассказывал.

— Ещё бы он рассказал, — усмехнулся Иван. — Он служил в спецназе ГРУ. Разведчик. Прошёл горячие точки ещё в конце восьмидесятых. А в девяносто втором приехал в Сургут искать счастья.

— И нашёл?

— Нашёл, — кивнул Иван. — Только счастье это было криминальное. Он связался с одной группировкой, которая крышевала нефтяные вышки. Дело опасное, но прибыльное. Я тогда уже работал на азербайджанцев, прикрывал их наркотрафик. Мы с Виктором пересеклись на нейтральной территории.

— И что было?

— Он мне понравился, — просто сказал Иван. — Умный, смелый, с понятиями. Я предложил ему работать на меня. Он согласился. Так твой отец стал моим человеком в группировке "славянских".

— А почему меня Артуром называли? — спросил Колян.

— А это отдельная история, — усмехнулся Иван. — Когда твой отец работал на меня, у него была кличка "Артур". В честь короля Артура, потому что он был благородным даже в бандитских разборках. Никогда не стрелял первым, не трогал баб и детей. За это его уважали даже враги.

— И вы меня в честь него называли?

— Не я, родители. Они решили, что кличка отца станет

твоим именем. Чтобы ты помнил, что твой отец был не просто бандитом, а человеком чести.

Колян молчал, переваривая информацию.

— А что с ним случилось потом?

— В девяносто пятом, когда меня начали преследовать, я предложил Виктору уйти со мной. Но у него уже была семья — твоё мать, и ты должен был родиться. Он отказался. Сказал: "Я завязываю. Ради сына". Я его не осуждал. Наоборот, помог легализоваться.

— Как? — Устроил его на завод, дал денег на квартиру, договорился с нужными людьми, чтобы закрыли его старые дела. Он вышел из криминала чистым. И больше никогда не возвращался.

— А мама? — спросил Колян. — Она знала?

— Твоя мать, Елена Сергеевна, знала всё, — сказал Иван Николаевич. — Она сама была из той среды. Её отец, твой дед, работал в милиции вместе со мной. Честный был мент, царство ему небесное. Погиб в девяносто шестом при странных обстоятельствах.

— Как погиб?

— Крышевал один ларёк, туда наехали чеченцы. Он попытался их остановить, они выстрелили. Обычная разборка тех лет. Но твоё мать осталась сиротой в семнадцать лет. Я её пристроил в бухгалтерию, помогал, чем мог.

— Она знала, чем вы занимаетесь?

— Знала, — кивнул Иван. — И молчала. Умная была. По-

том познакомилась с твоим отцом. Я их и свёл, кстати. Подумал, что два хороших человека должны быть вместе. И не ошибся.

— Она никогда не рассказывала...

— А зачем? — пожал плечами Иван. — Прошное должно оставаться прошлым. Она хотела, чтобы ты вырос нормальным человеком, а не бандитом. И у неё получилось.

Иван Николаевич глотнул чай и продолжил.

— А теперь самое интересное, — Иван Николаевич понизил голос. — Твой дядя Виталик, брат отца. Ты его знаешь как вечно пьяного дядьку, который работает сантехником и рассказывает байки.

— Ну да, — подтвердил Колян.

— Он иногда приходит, бухает с отцом, потом спит на диване. Мать его не любит.

— Есть за что, — усмехнулся Иван. — Потому что Виталик — это легенда. В девяностых он был самым опасным человеком в Сургуте после меня.

— Дядя Виталик? — глаза Коляна полезли на лоб. — Тот, который вечно в трениках и с похмелья?

— Тот самый, — кивнул Иван. — Его знали все. Кличка была "Виталя-Резня". Он работал на чеченцев, был их главным боевиком. За ним числилось... ну, скажем так, много плохих дел.

— Не может быть!

— Может, Артур, — вздохнул Иван. — Твой дядя убил

не меньше десяти человек. В разборках, конечно, но убил. Его боялись даже свои. Я сам с ним встречался пару раз при не очень приятных обстоятельствах.

— Расскажите, — попросил Колян.

— Было это в девяносто пятом, — начал Иван. — Я тогда уже крышевал азербайджанцев. Чеченцы хотели отжать их точки. Прислали Виталика с бандой. Мы встретились на нейтральной территории — в подвале одной из сургутских хрущёвок.

— И что было?

— Виталик пришёл с автоматом, злой, как чёрт. Сказал: "Иван, уходи по-хорошему. Это наша земля". Я ответил: "Виталик, ты хороший боец, но плохой переговорщик. Давай решим миром". Он засмеялся и сказал, что миром решать не будет.

— И вы подрались?

— Чуть не подрались, — усмехнулся Иван. — Но в последний момент приехал твой отец. Он встал между нами и сказал: "Виталик, это мой друг. Если ты его тронешь, ты тронешь меня". Виталик посмотрел на брата, плюнул и ушёл.

— И всё?

— На тот момент — да. Но Виталик затаил обиду. Через год он попытался меня застрелить. Выследил у подъезда, выстрелил из обрез. Промахнулся. Я его догнал и... поговорил по-мужски.

— Убили?

— Нет, — покачал головой Иван. — Не убил. Ради твоего отца. Просто сломал руку и сказал, что если ещё раз увижу, убью. Он понял. Больше мы не пересекались.

— А что с ним случилось потом? Почему он стал сантехником?

— А потом его сдали свои же, — объяснил Иван. — Чеченцы проиграли войну за Сургут, начали сдавать всех, кого могли. Виталик попал в тюрьму на пять лет. Там его тоже чуть не убили, но выжил. Когда вышел — никому не был нужен. Рука после перелома срослась криво, стрелять больше не мог. Стал пить.

— И отец его принял?

— Отец у тебя золотой, — с уважением сказал Иван. — Несмотря на всё, Виктор не бросил брата. Устроил на работу, дал комнату, терпит его пьянки. Виталик, кстати, отца боготворит. Потому что знает: только брат его не предал.

— А мать?

— Мать твоя, Елена Сергеевна, конечно, не в восторге, — усмехнулся Иван. — Но терпит. Ради отца.

Колян сидел молча, переваривая услышанное. Его добрый, вечно пьяный дядя Виталик, который приносил ему на день рождения дешёвые конфеты и рассказывал анекдоты, оказывается, был хладнокровным убийцей. А отец, тихий заводской рабочий, — бывшим спецназовцем и бандитом.

— Я должен с ним поговорить, — сказал Колян.

— Поговори, — кивнул Иван. — Но помни: они не рас-

сказывали тебе этого не просто так. Они хотели, чтобы у тебя была другая жизнь. Не лезь в прошлое, Артур, если не готов принять его таким, какое оно есть.

— Я готов.

— Посмотрим.

В тот же вечер Колян пришёл домой и застал отца на кухне. Виктор Артурович пил чай и читал газету — обычный, скучный, домашний отец.

— Пап, — сказал Колян, садясь напротив. — Я сегодня разговаривал с Иваном Николаевичем.

Отец поднял глаза. В них мелькнуло что-то — тревога? Страх? Но лицо осталось спокойным.

— И что он рассказал?

— Всё, — ответил Колян. — Про Сургут, про вас, про дядю Виталика. Про то, что вы были в спецназе и работали на Ивана. Отец долго молчал. Потом отложил газету, снял очки и посмотрел на сына усталыми глазами.

— Ну что ж, — сказал он. — Значит, время пришло. Всё, что рассказал Иван, — правда, — начал отец. — Я был в спецназе ГРУ, воевал в Афгане, потом в Таджикистане. Когда вернулся, страна разваливалась. Работы не было, денег тоже. Иван предложил дело. Я согласился.

— И вы убивали?

— Приходилось, — жёстко ответил отец. — Но я никогда не убивал тех, кто не заслуживал. Только в честном бою. Иван учил нас: "Не тронь баб и детей, не стреляй в спину,

держи слово". Я эти законы соблюдал.

— А мама знала?

— Знала, — кивнул отец. — И приняла. Она сама из той среды, её отец погиб в разборках. Мы решили, что когда ты родишься, я завяжу. И завязал. Иван помог.

— А дядя Виталик?

— Виталик... это моя головная боль, — вздохнул отец. — Он пошёл по другой дороге. Работал на чеченцев, убивал без разбора. Я пытался его остановить, но он не слушал. Когда его посадили, я помогал ему в тюрьме. Когда вышел — забрал к себе. Он сломанный человек, Колян. Его не за что уважать, но его можно пожалеть.

— Вы его простили?

— Он мой брат, — просто сказал отец. — Прощать или не прощать — не моё дело. Моё дело — быть рядом, если ему плохо.-

На следующий день Колян сам пошёл к дяде. Тот жил в маленькой комнатке в общежитии, пил дешёвый портвейн и смотрел телевизор.

— О, племянник! — обрадовался он. — Заходи, садись. Выпьешь?

— Я не пью, дядь Виталь.

— Ну и правильно, — кивнул дядя, наливая себе. — Молодой ещё. А я вот пью. Всю жизнь пью, и ничего.

— Дядь Виталь, я знаю про вас, — прямо сказал Колян.

Дядя замер с рюмкой в руке. Потом медленно поставил

её на стол.

— Иван рассказал?

— Да.

— Ну и чо? — усмехнулся дядя. — Испугался? Думаешь, я сейчас тебя зарежу?

— Не думаю, — твёрдо сказал Колян. — Я просто хочу понять. Зачем вы это делали?

Дядя Виталик долго молчал. Потом закурил дешёвую сигарету и начал рассказ.

— В девяностые все с ума посходили, — сказал он. — Деньги, власть, кровь. Я думал, что становлюсь крутым. Что меня будут бояться и уважать. А стал... стал вот этим. Алкашом в общаге.

— Вы жалеете?

— Жалею, — неожиданно честно ответил дядя. — Каждую ночь жалею. Особенно когда вижу твоего отца. Он смог вырваться, а я нет. Я слишком глубоко залез. И теперь не вылезу никогда.

— А что бы вы сделали иначе?

— Всё, — просто сказал дядя. — Всё бы сделал иначе. Пошёл бы работать на завод, как брат. Женился бы, детей нарожал. А теперь... теперь поздно.

— Не поздно, — сказал Колян. — Вы ещё не старый.

— Поздно, Артур, — усмехнулся дядя. — Для таких, как я, поздно всегда. Но ты... ты не повторяй моих ошибок. Слушай отца, слушай Ивана. Они хорошие люди. Даже я, греш-

ный, это понимаю.

Вечером Колян снова был в бане у Ивана Николаевича.

— Поговорил? — спросил учитель.

— Поговорил.

— И что понял?

— Что люди сложнее, чем кажутся, — ответил Колян. — Отец — бывший бандит, но он спас дядю. Дядя — убийца, но он страдает и жалеет. А мама... мама всё это знала и молчала, чтобы я вырос нормальным.

— И как тебе это знание?

— Тяжело, — честно сказал Колян. — Но легче, чем не знать.

Иван Николаевич одобрительно кивнул. — Ты вырос, Артур. Ещё год назад ты бы испугался или осудил. А теперь пытаешься понять. Это правильно.

— Иван Николаевич, а вы жалеете?

— О чём?

— О том, что рассказали мне про родителей.

Иван задумался надолго.

— Нет, — сказал он наконец. — Не жалею. Потому что ты должен знать правду. О своих корнях, о своих близких. Даже если эта правда горькая. Только так можно стать настоящим человеком.

Он закурил и посмотрел в окно на ночное небо.

— Знаешь, Артур, твой отец — один из лучших людей, которых я встречал. Он прошёл через ад и остался челове-

ком. Твой дядя — сломался, но он хотя бы осознаёт это. А ты... ты будешь лучше их обоих. Я в тебя верю.

Колян почувствовал, как к горлу подступил комок.

— Спасибо, Иван Николаевич.

— Не за что, Артур. Иди домой. Завтра на урок не опоздай.

С того дня Колян стал чаще заходить к дяде Виталику. Они пили чай (дядя перестал пить при нём), разговаривали о жизни, смотрели старые фотографии. Дядя рассказывал о своей молодости, о войне, о брате. Иногда плакал, но Колян делал вид, что не замечает.

Отец заметил перемены и однажды спросил:— Ты как, сын? Нормально?

— Нормально, пап, — ответил Колян. — Всё нормально.

— Ты не осуждаешь нас?

— Нет, — твёрдо сказал Колян. — Вы сделали то, что должны были сделать, чтобы выжить. Главное, что вы остались людьми.

Отец обнял его. Впервые за много лет.

А в бане Ивана Николаевича появилась ещё одна фотография — старая, потрёпанная, на которой молодые Виктор Артурович и Виталик стояли рядом с Иваном в камуфляже на фоне сургутских гаражей.

— Это девяносто третий, — подписал Иван. — Наши лучшие годы.

Колян смотрел на фотографию и думал: какие же они всё-

таки разные — прошлое и настоящее. И как важно помнить, откуда ты пришёл, чтобы понимать, куда идти.

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ СПУСТЯ.

Колян Артуров сидел в бане Ивана Николаевича и переваривал всё, что узнал за последние дни. Его отец оказался бывшим спецназовцем и бандитом, дядя — хладнокровным убийцей, мать — дочерью погибшего мента. Мир перевернулся, но Колян держался. В конце концов, после всех историй об учителях-шпионах и террористах, семейные тайны уже не казались чем-то невероятным.

Иван Николаевич, как всегда, сидел в углу с неизменной сигаретой и смотрел на Коляна с лёгкой усмешкой.

— Ты какой-то задумчивый сегодня, Артур, — сказал он.
— Всё о родителях думаешь?

— Думаю, — признался Колян. — Странно всё это. Отец, дядя... они такие разные, а столько всего пережили вместе.

— Вместе? — переспросил Иван Николаевич, и в его голосе послышались странные нотки. — Ты думаешь, они вместе переживали?

— Ну да, — пожал плечами Колян. — Братья же.

Иван Николаевич долго молчал, глядя в одну точку. Потом вздохнул и затушил сигарету.

— Артур, — сказал он тихо. — Я должен тебе кое-что рассказать. То, что я скрывал все эти годы. То, о чём просил меня молчать твой... твой отец.

— Мой отец? — насторожился Колян. — А что случи-

лось?

— Понимаешь, — Иван Николаевич подбирал слова, — та история, что я рассказал тебе вчера... она не совсем полная. Вернее, она полная, но с одним очень важным уточнением.

— Каким?

Иван Николаевич посмотрел Колян у прямо в глаза.

— Виктор Артурович, которого ты считаешь своим отцом, на самом деле твой дядя. А твой настоящий отец — Виталик.

Колян замер. Сначала ему показалось, что он ослышался. Потом — что Иван Николаевич шутит. Но глаза учителя были абсолютно серьёзны, даже печальны.

— Что? — выдавил Колян. — Это шутка такая?

— Не шутка, Артур, — покачал головой Иван. — Виктор не мог иметь детей. Ещё в Афгане, после ранения, он потерял эту возможность. Он никогда тебе не говорил, потому что... потому что ты его сын. Не по крови, а по духу. Он тебя вырастил, воспитал, любил. И для него ты всегда был родным.

— А Виталик? — голос Коляна дрожал. — Дядя Виталик — это...

— Твой настоящий отец, — кивнул Иван. — Ты родился в одна тысяча девятьсот девяносто девятом. Твоя мать, Елена Сергеевна, тогда была молодая, красивая. Она встречалась с Виталиком. Он был на пике своей бандитской карьеры, крутой, опасный, при деньгах. Они любили друг друга.

— А потом?

— А потом Виталика посадили, — продолжал Иван. — В две тысячи первом. На пять лет. Елена была беременна тобой. Виталик попросил брата: "Присмотри за ней, за ребёнком. Ты единственный, кому я доверяю". Виктор согласился.

— Когда ты родился, Елена была одна, — рассказывал Иван. — Виталик сидел в тюрьме, писем не писал — боялся, что прочитают. Виктор приходил каждый день, носил продукты, помогал с пелёнками. А когда тебе исполнился год, случилось то, что изменило всё.

— Что?

— Елена полюбила Виктора, — просто сказал Иван. — Они проводили много времени вместе, заботились о тебе, и постепенно между ними возникло то, чего никто не ждал. Любовь. Настоящая, тихая, без башен и стрельбы.

— А Виталик?

— Виталик узнал об этом через полгода, когда ему передали письмо от брата. Виктор написал: "Прости, брат. Мы с Еленой хотим быть вместе. Я выращу твоего сына как своего. Он ни в чём не будет нуждаться. Решай сам, как хочешь дальше".

— И что Виталик?

— Виталик... он удивил всех, — усмехнулся Иван. — Он ответил: "Если ты сделаешь моего сына счастливым, я благословляю. Ты всегда был лучше меня. Будь ему отцом. А я... я сам виноват, что не смог быть рядом".

— Когда Виталик вышел через пять лет, он пришёл к вам, — продолжал Иван. — Ты был уже большим, бегал, говорил "папа" Виктору. Виталик посмотрел на тебя, на брата, на Елену и сказал: "Всё правильно. Так и должно быть. Я буду дядей".

— И вы согласились?

— Это было их общее решение, — кивнул Иван. — Виктор хотел сказать тебе правду, но Виталик запретил. Сказал: "Пусть он растёт с одним отцом. Настоящим. А я буду просто дядькой, который приходит и портит праздники".

— И никто мне не сказал...

— Никто, — подтвердил Иван. — Елена молчала, потому что боялась, что ты запутаешься. Виктор молчал, потому что любил тебя как родного. Виталик молчал, потому что считал себя недостойным звания отца.

— А теперь ты понимаешь, почему он пьёт? — спросил Иван.

Колян вспомнил дядю Виталика — вечно пьяного, с трясущимися руками, в дешёвой одежде. Вспомнил, как тот смотрел на него с какой-то странной нежностью, как дарил конфеты и говорил: "Расти большой, племяш".

— Он пьёт, потому что не смог быть твоим отцом, — сказал Иван. — Потому что любовь всей его жизни ушла к брату. Потому что он потерял всё — свободу, семью, уважение. А ты — единственное светлое пятно в его жизни. Он приходит к вам не просто так. Он приходит, чтобы увидеть тебя.

— И никто ему не помог?

— Виктор помогает каждый день, — возразил Иван. — Работу дал, комнату, деньги. Но душу не вылечишь деньгами. Виталик сам должен захотеть измениться. А он не хочет. Или не может.

Колян вскочил и бросился к двери.

— Артур, стой! — крикнул Иван. — Куда ты?

— К нему! — крикнул Колян, выбегая на улицу.

Он бежал через весь город к общаге, где жил дядя Виталик. В голове было пусто, только сердце колотилось где-то в горле. Он влетел в подъезд, взбежал на третий этаж, забарабанил в дверь.

— Дядь Виталь! Откройте!

Дверь открылась. На пороге стоял Виталик — в мятой майке, с небритым лицом, пахнувший перегаром. Но глаза были удивлённые, почти испуганные.

— Колян? Ты чего? Что случилось?

— Дядя Виталь... — Колян запыхался, слова застревали в горле. — Вы... вы мой отец?

Виталик замер. Лицо его побелело, потом покраснело. Он схватился за косяк, чтобы не упасть.

— Кто тебе сказал? — хрипло спросил он.

— Иван Николаевич. Это правда?

Виталик долго молчал. Потом отступил в комнату и сел на табуретку.

— Заходи, — сказал он тихо. — Закрой дверь.

Колян зашёл. Комната была маленькая, грязная, заваленная пустыми бутылками. Пахло кислым. Виталик сидел, опустив голову, и молчал.

— Это правда? — повторил Колян.

— Правда, — выдавил Виталик. — Я твой отец. Твой настоящий отец. А Виктор... он мой брат. Он вырастил тебя, потому что я сидел. И потому что я ни на что не годен.

— Почему вы мне не сказали?

— А зачем? — Виталик поднял глаза. В них стояли слёзы. — Чтобы ты гордился мной? Чтобы хвастался перед друзьями, что твой батя — алкаш и бывший убийца? Нет, сынок. Так лучше. Виктор — хороший человек. Он дал тебе всё, чего я не мог дать.

— Но вы мой отец!

— По крови — да, — кивнул Виталик. — По жизни — нет. Я не менял тебе пелёнки, не водил в школу, не учил уроки. Это делал Виктор. Он твой отец. А я... я просто дядя, который иногда приходит и позорит семью.

— Не говорите так! — крикнул Колян.

— А как говорить? — усмехнулся Виталик. — Это правда. Я пропил свою жизнь. Я потерял твою мать, потерял тебя, потерял всё. И теперь поздно что-то менять.

— Не поздно! — Колян подошёл и сел рядом. — Вы можете бросить пить. Можете начать новую жизнь. Я помогу. Виталик посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом. — Ты правда хочешь, чтобы я был твоим отцом?

— Правда, — твёрдо сказал Колян. — Вы мой отец. И я хочу, чтобы вы были в моей жизни. Настоящим отцом. Трезвым. Сильным. Таким, каким вы были когда-то.

Виталик закрыл лицо руками. Плечи его затряслись. Колян впервые видел, как плачет взрослый мужчина.

Утром Колян вернулся домой. Отец — Виктор Артурович — сидел на кухне, пил чай и ждал.

— Ты знал? — спросил Колян, садясь напротив.

— Знал, — тихо ответил Виктор. — Все эти годы знал.

— Почему не сказал?

— А ты бы хотел знать? — спросил Виктор. — Что твой настоящий отец — убийца и алкаш? Что твоя мать сначала любила одного, а потом ушла к другому? Какое детство у тебя было бы с этой правдой?

— Но это моя правда! — возразил Колян.

— Твоя правда в том, что мы тебя любим, — сказал Виктор. — Я, Виталик, мама. Каждый по-своему. И мы сделали всё, чтобы ты был счастлив. Если я ошибся — прости.

Колян долго молчал. Потом подошёл к отцу (к дяде? к отчиму?) и обнял его.

— Ты мой папа, — сказал он. — Всегда был и будешь. Но Виталик... он тоже мой отец. И я хочу, чтобы вы оба были в моей жизни.

Виктор обнял его в ответ.

— Хорошо, сын. Как скажешь.

Через месяц Виталик закодировался. Через три — устро-

ился на нормальную работу (Виктор помог). Через полгода он переехал в маленькую, но чистую квартирку и начал приходить к ним каждое воскресенье на обед.

Они сидели за одним столом — Виктор, Елена Сергеевна, Виталик и Колян. Разговаривали, смеялись, вспоминали прошлое. Иногда Виталик смотрел на Коляна с такой любовью, что у того сердце заходило.

— Спасибо, сын, — сказал он однажды, когда они остались вдвоём. — Ты меня спас.

— Нет, — ответил Колян. — Это вы меня спасли. Тем, что родили. И тем, что нашли в себе силы измениться.

Они обнялись. Настоящие отец и сын.

Иван Николаевич, узнав обо всём, только усмехнулся и налил в бане за встречу.

— Ну что, Артур, — сказал он, поднимая стакан. — За семью. За настоящую семью, которая не всегда по крови, но всегда по любви.

— За семью, — повторил Колян.

Рядом сидели Виктор и Виталик, уже изрядно поддатые, но счастливые. Они обнялись через стол и запели какую-то старую армейскую песню.

А Колян смотрел на них и думал: как же всё сложно в этой жизни. И как же всё просто, когда есть любовь.

Глава 8

Прошло немного времени.

Но мир изменился до неузнаваемости. Беспилотники бороздили небо, нейросети писали законы, а космический туризм стал доступен миллионерам. Но кое-что осталось неизменным: старая баня на заднем дворе дома Ивана Николаевича. Та самая, где собирались легенды, где решались судьбы мира, где творилась история, которую официальные учебники стыдливо обходили стороной.

Колян Артуров, теперь уже мужчина окончивший школу и умными, уставшими глазами, приехал в родной город после трёх месячного отсутствия. Он стал работать на первом канале международным журналистом-расследователем, объездил полмира, брал интервью у президентов и полевых командиров, но душа всегда рвалась обратно — к этим стенам, к этому запаху берёзового веника, к старым друзьям, которые знали его настоящим.

В бане уже топились. Иван Николаевич, которому стукнуло семьдесят, но держался он как кремень — сухой, жилистый, с глазами цвета старого цинка, — сидел на лавке и заваривал чай с кардамоном. Рядом с ним — дядя Виталик, полностью завязавший с алкоголем, подтянутый, с ясными глазами и твёрдой рукой. Виктор Германович, всё такой же очкастый, только с более современным гаджетом в

руках, колдовал над каким-то устройством, подключённым к спутнику.

— Артур! — Иван Николаевич поднялся навстречу, и в его голосе впервые за долгое время послышались тёплые нотки. — А вот и наш путешественник! Я уж думал, ты забыл дорогу к старикам.

Они обнялись крепко, по-мужски. Колян оглядел компанию — лица постарели, но глаза горели всё тем же огнём.

— А где Олег Александрович? — спросил он, снимая куртку. — Обычно он первый приходит, самогон свой хвалит.

Иван Николаевич и Виктор переглянулись. В воздухе повисла нехорошая тишина.

— Странно, — нахмурился Виктор, поправляя очки. — Он обещал быть. Мы с ним вчера по защищённому каналу говорили, он сказал, что приедет. Даже рецепт нового самогона обещал привезти — с кедровыми орешками, по какому-то сибирскому рецепту.

— Может, задержался? — предположил дядя Виталик, разминая пальцы — старая привычка, оставшаяся ещё с бандитских времён. — Дороги сейчас... сами знаете.

— Олег никогда не опаздывает, — отрезал Иван Николаевич. — За двадцать пять лет знакомства — ни разу. Ни на встречу, ни на операцию, ни даже в баню. Пунктуальный, как атомные часы.

В этот момент в дверь постучали. Но стук был не обыч-

ный — резкий, короткий, словно выстрел из стартового пистолета. Три удара, пауза, ещё два.

Виктор открыл дверь. На пороге никого не было. Только маленькая коробка, перевязанная бечёвкой, и следы колёс от быстро уехавшей машины, чётко отпечатавшиеся на утреннем снегу.

— Что это? — насторожился Колян, инстинктивно делая шаг назад.

Виктор поднял коробку, взвесил на руке, открыл. Внутри лежала... граната. Боевая, без чеки. И записка, написанная от руки печатными буквами, чтобы нельзя было идентифицировать почерк.

Иван Николаевич взял записку дрожащими, но всё ещё сильными руками. На ней было всего несколько слов: "Олег больше не придёт. США и НАТО шлют привет. Следующие — вы".

— Что за чёрт? — выдохнул дядя Виталик, хватаясь за косяк. — Это розыгрыш? Чей-то больной юмор?

— Не похоже, — мрачно сказал Иван Николаевич, рассматривая гранату. — Олег... Он бы так не шутил. Никогда. Мы через столько прошли.

Виктор Германович схватился за телефон. Набрал номер Олега — абонент недоступен. Набрал по спутниковой связи — глухо. Подключился к каким-то своим хакерским каналам — ноль.

— Я съезжу к нему, — решил Виктор, натягивая куртку.

— Может, он дома, всё нормально. Может, это просто дурацкая шутка.

— Я с тобой, — сказал Колян, надевая ботинки.

Они уехали на старой, но надёжной «Ниве» Виктора. А Иван Николаевич остался сидеть в бане, глядя на гранату и записку. Что-то здесь было не так. Олег — старый друг, проверенный годами, прошедший огонь, воду и медные трубы. Почему он вдруг? И главное — зачем ему граната и записка с намёком на американцев?

— Иван, — тихо сказал дядя Виталик, садясь рядом. — Ты думаешь о том же, о чём и я?

— О чём?

— Что это не Олег. Что его заставили. Или... или он уже не он.

Иван Николаевич покачал головой.

— Не знаю, Виталик. Не знаю. Но чую — пахнет жареным. — Пол часа спустя.

Виктор и Колян вернулись. Лица у них были белые, как мел, даже губы побелели. Колян держал в руках какой-то предмет, завернутый в тряпку.

— Его нет, — выдохнул Виктор, падая на лавку. — Дом пуст. Вещи разбросаны, следы борьбы. И кровь. Немного, но есть. На полу, на стене, на подоконнике.

— Он жив? — спросил Иван, чувствуя, как сердце пропускает удар.

— Не знаю, — честно ответил Колян, разворачивая тряп-

ку. — Мы нашли вот это. Под половицей, в тайнике.

На тряпке лежал старый армейский жетон Олега, пробитый пулей, и фотография — вся команда двадцатилетней давности. Иван, Олег, Виктор, Ахмед, бен Ладен, Татьяна, все вместе в Афганистане. На обороте было написано: ***"Если это читаете — я в беде. Не верьте американцам. Ищите правду у старых друзей. Олег"***.

— Мы вызвали полицию с таксофона, — добавил Виктор. — Но сами уехали. Если это Олег... если это он всё подстроил, то нам лучше не светиться. Если нет — то за нами уже могут следить.

— Он не подстраивал, — твёрдо сказал Иван Николаевич. — Я знаю Олега. За четверть века — знаю. Он бы не предал. Ни за какие деньги.

— А граната? — напомнил Колян. — И первая записка?

— Может, его заставили, — повторил свою мысль дядя Виталик. — Может, он под пыткой... или ему вживили что-то. Сейчас такие технологии, что человека зомбировать можно.

— Хватит гадать, — оборвал Иван, вставая. — Нужно искать. Поднимать всех, кого знаем. Если Олег в беде — мы его вытащим. Если он предал — мы его найдём и спросим по-мужски. Но сначала — факты.

Он посмотрел на старых друзей. В его глазах загорелся тот самый огонь, который когда-то вёл их через афганские горы, иракские пустыни и американские ловушки.

— Собирайтесь. Начинаем операцию "Возмездие".

А тем временем, за тысячи километров от этой бани, в подземном бункере где-то на границе Германии и Польши, Олег Александрович сидел в одиночной камере. Его руки были в синяках от наручников, на лбу запеклась кровь, но глаза оставались ясными.

Он вспоминал, как всё началось.

Три месяца назад.

Олег возвращался домой из Ирана, где встречался со старыми коллегами-физиками. В аэропорту Стамбула к нему подошли двое в штатском. Вежливые, улыбочивые, с дипломатическими паспортами.

— Герр Шмидт? — спросили они, используя его старый псевдоним. — Пройдёмте с нами. Есть разговор.

Олег хотел отказаться, но почувствовал в спине ствол. Пришлось идти.

Его привезли в роскошный отель, где в номере люкс его ждал человек в идеальном костюме — генерал Стивенсон, глава европейского подразделения ЦРУ.

— Мы знаем о вас всё, Олег Александрович, — начал генерал, разливая виски. — Ваша работа в Иране, ваши связи с бен Ладеном, ваши операции в Украине, ваше участие в возвращении Аляски. Всё.

— И что? — спокойно спросил Олег, хотя внутри всё похолодело.

— Мы предлагаем вам сделку, — Стивенсон пододвинул

к нему ноутбук. — Вы работаете на нас. Сливаете информацию о вашей команде, о планах Ивана Николаевича, о связях с террористами. А взамен — новая жизнь в США. Миллионы на счету, дом во Флориде, новая личность. Никто вас не найдёт.

— А если откажусь?

— Если откажетесь, — улыбнулся генерал, — ваши друзья узнают, что вы работали на Иран всё это время. Что это вы слили данные о маршрутах Ивана в Ираке. Что из-за вас погибли люди. Мы подделаем доказательства. И тогда Иван Николаевич сам придёт за вами.

Олег задумался. Он знал Ивана. Тот не прощал предательства.

— Мне нужно время, — сказал он.

— Времени нет, — отрезал Стивенсон. — Решайте сейчас.

Олег посмотрел на фотографию дочери, которую носил в бумажнике. Она жила в Германии, не знала о его прошлом. Если американцы доберутся до неё...

— Я согласен, — выдавил он.

Так началось его падение.

Но Олег не был бы Олегом, если бы не попытался переиграть американцев. Он согласился сотрудничать, но каждый раз сливал минимальную информацию, затягивал время, пытался предупредить друзей через тайные каналы.

Американцы это поняли. Через месяц его схватили, при-

везли в этот бункер и начали обрабатывать всерьёз. Попытки, психотропные препараты, угрозы семье. Олег держался, но силы были на исходе.

— Вы сдадите их, — говорил Стивенсон, стоя над ним с электрошокером. — Или мы убьём вашу дочь. Выбирайте.

Олег выбрал жизнь дочери. Он согласился на всё. Но в последний момент, когда ему дали написать ту самую записку с гранатой, он добавил тайный знак — грамматическую ошибку, которую они с Иваном обговорили двадцать лет назад на случай, если один из них попадёт в плен.

"Олег больше не придёт" вместо "Олег больше не придет" — лишняя буква "т". Мелочь, которую заметит только Иван. Оставалось надеяться, что друзья поймут.

Иван Николаевич понял. Он сидел, рассматривая записку, и вдруг его глаза сузились.

— Виктор, — позвал он. — Посмотри сюда.

Виктор подошёл, прочитал.

— "Олег больше не придёт"... И что?

— Ошибка, — сказал Иван. — Олег всегда писал грамотно. Он учителем физики был, между прочим. А тут — лишняя буква в слове "придёт". Он специально оставил знак. Это сигнал.

— Какой сигнал? — не понял Колян.

— Что он в плену, — объяснил Иван. — Что записка не его воля. Мы должны его искать.

— Где?

— В Германии, — сказал Иван. — Только там у НАТО такие бункеры. Я знаю это место. Старая база времен холодной войны, переоборудованная под тюрьму. Ахмед рассказывал.

— Значит, летим в Германию? — спросил дядя Виталик, потирая руки.

— Сначала — собираем всех, — решил Иван. — Поднимаем старых друзей. Татьяна, Ахмед, бен Ладен, Наталья. Все, кто помнит, что такое верность.

Иван Николаевич знал, что первым делом нужно связаться с Татьяной Викторовной. Она всё ещё жила в Молдавии, в Гагаузии, и, по слухам, имела связи даже там, где их быть не могло.

Колян набрал её номер. Телефон молчал. Набрал ещё раз — то же самое. Набрал через спутниковый мессенджер — тишина.

— Странно, — нахмурился он. — Она всегда отвечает. Даже среди ночи.

— Может, спит? — предположил Виктор. — У них там время другое.

— Она не спит, — отрезал Иван. — Чувствую, что-то случилось.

Через час пришло сообщение с неизвестного номера, зашифрованное старым кодом, который они использовали ещё в Ираке: **"Я знаю, что случилось с Олегом. Приезжайте. Адрес тот же. Жду. Татьяна. Будьте осторожны, за мной следят"**.

— Это ловушка, — сразу сказал Виктор, анализируя сообщение через свой анализатор.

— Возможно, — согласился Иван. — Но мы поедem. Виталик, ты с нами?

— А то! — усмехнулся дядя Виталик. — Я за эти десять лет отвык от приключений. Пора встряхнуться старыми костями.

— Я тоже еду, — твёрдо сказал Колян. — Я теперь не мальчик, могу пригодиться.

Они приехали в Гагаузию через два дня. Маленький домик на окраине Комрата, утопающий в зелени, окружал высокий забор с камерами. Татьяна Викторовна встретила их на пороге — постаревшая, но всё такая же собранная, с теми же горящими глазами. Только теперь в её руках был не указка, а пистолет.

— Заходите, — сказала она коротко, оглядывая улицу. — Быстро. Времени мало.

В доме их ждал сюрприз: за столом сидел полковник Ахмед. Живой, здоровый, с неизменной чашкой чая в руках и автоматом Калашникова на коленях.

— Иван, — кивнул он, вставая. — Рад видеть живым.

— Ахмед! — удивился Иван, обнимая старого друга. — Ты как здесь оказался?

— Татьяна позвала, — ответил тот. — Сказала, что старым друзьям нужна помощь. Я приехал через Сирию, с дипломатическим паспортом. Десять лет не виделись, а ты всё

такой же.

— А где Усама? — спросил Колян, оглядываясь.

— Будет, — загадочно сказала Татьяна. — Чуть позже. У него свои каналы передвижения.

Они сели за стол. Татьяна разлила чай — настоящий, с кардамоном, как любил Иван.

— Я знаю, что случилось с Олегом, — начала она без предисловий. — Его завербовали американцы. Но не добровольно. Они схватили его в Стамбуле три месяца назад. Держат в подземном бункере на границе Германии и Польши. Пытают, требуют сдать всех нас.

— Откуда информация? — спросил Виктор.

— У меня там человек, — усмехнулась Татьяна. — Один из охранников. Старый знакомый ещё по девяностым. Он передал мне весточку от Олега.

— Почему мы должны верить? — насторожился дядя Виталик.

— Потому что он написал это, — Татьяна протянула Ивану маленький клочок бумаги.

На нём было всего два слова: ***"Лишняя буква"**. Иван понял.

— Это он, — сказал он. — Точно он. Мы спасём его.

— Не так быстро, — остановила Татьяна. — Нужно больше людей. Я знаю одну женщину. Она нам поможет.

— Кто?

— Людмила Васильевна. Бывший директор нашей школы.

Та самая коммунистка.

— Она же нас ненавидит! — воскликнул Виктор, поправляя очки. — Она же всю жизнь боролась с казино, с нами, со всем, что мы делали.

— Ненавидела, — поправила Татьяна. — Сейчас у неё другие приоритеты. Ей приказали сверху помогать нам.

— Кто приказал? — насторожился Иван.

— Очень высокие люди, — загадочно ответила Татьяна. — Она расскажет сама. И у неё есть план. План, который изменит мир.

Людмила Васильевна встретила их на вокзале в Москве. Она почти не изменилась — всё тот же строгий костюм, значок с Лениным на лацкане, пронзительные глаза, от которых ничто не могло укрыться. Только волосы совсем поседели, а на лице прибавилось морщин — годы взяли своё.

— Здравствуйте, товарищи, — сказала она сухо, оглядывая разношёрстную компанию. — Иван Николаевич, не думала, что когда-нибудь буду с вами за одним столом.

— Жизнь заставит — и не такое сделаешь, — усмехнулся Иван. — Хотя признаюсь, тоже не ожидал.

Они сели в правительственную машину с тонированными стёклами. Людмила Васильевна сразу перешла к делу:

— Мне приказано помочь вам нейтрализовать Олега Александровича и его американских кураторов. Но не только.

— А что ещё? — насторожился Колян.

— Есть более глобальная задача, — Людмила понизила голос до шёпота. — Наверху считают, что США и НАТО слишком долго доминируют в мире. Пора восстановить историческую справедливость.

— Какую справедливость? — спросил Колян, хотя уже начинал догадываться.

— Вернуть территории Российской империи, — твёрдо сказала Людмила. — Включая Аляску. И не только.

В машине повисла тишина. Даже Ахмед, выдавший виды, присвистнул.

— Вы с ума сошли? — выдохнул Виктор. — Аляска — это же США! Штат! Там базы, там нефть, там миллионы американцев!

— Была США, — поправила Людмила. — Станет нашей. У нас есть план. И вы будете его исполнителями.

— Почему мы? — спросил Иван, хотя ответ уже знал.

— Потому что вы лучшие, — просто ответила Людмила. — Потому что у вас есть опыт, связи и, главное, мотивация. Олег продался НАТО. Значит, война объявлена. А вы — единственные, кто может выиграть эту войну неофициально, тихо, но эффективно.

— А вы? — спросил дядя Виталик. — Вы с нами?

— Я с вами, — твёрдо сказала Людмила. — Не потому, что полюбила вас. А потому что это приказ Родины. А для коммуниста приказ Родины — закон.

Иван Николаевич посмотрел на своих друзей. Колян, дя-

дя Виталик, Ахмед, Татьяна, Виктор — все они ждали его решения. За окном проплывала вечерняя Москва, сверкающая огнями, такая далёкая от тех гор и пустынь, где они когда-то воевали.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Мы в деле. Но сначала — Олег. Без него мы не начнём.

— Справедливо, — кивнула Людмила. — Тогда слушайте план.

Они собрались в конспиративной квартире на окраине Москвы, принадлежащей одной из структур, с которыми работала Людмила. Стены были звукоизолированы, окна зашторены, а Виктор Германович установил глушилки от прослушки.

Людмила Васильевна разложила на столе карты, схемы, фотографии со спутников.

— Олег сейчас в Берлине, — говорила она, водя указкой по карте. — Точнее, в ста километрах от Берлина, в старом бункере времен Второй мировой, который натовцы переоборудовали под секретную тюрьму. Под именем доктора Шмидта, консультанта по безопасности при штабе НАТО. У него есть доступ к секретным данным, но сейчас он под арестом. Его пытаются.

— Как мы его достанем? — спросил дядя Виталик, разглядывая схему бункера.

— Через Наталью Валерьевну, — ответила Татьяна. — Она всё ещё работает химиком. И у неё есть доступ к лабо-

раториям, где делают спецсредства.

— Наталья? — удивился Колян. — Она же варила наркотики под школой!

— Она давно завязала, — объяснила Татьяна. — Сейчас работает на ФСБ. Делает спецсоставы для нужд обороны. И она согласилась помочь.

— Где она?

— В Берлине, — усмехнулась Людмила. — Уже месяц. Под легендой немецкого фармацевта. Ждёт сигнала.

— Ничего себе у вас связи, — присвистнул Виктор.

— Это только начало, — сказала Людмила. — Ахмед, у тебя есть люди в Германии?

— Есть, — кивнул полковник. — Бывшие иракцы, которые осели в Европе. Человек двадцать. Они ненавидят НАТО за разрушенные семьи. Помогут.

— Бен Ладен?

— Мои люди тоже есть, — улыбнулся Усама, который появился в комнате так незаметно, что никто не заметил. Он сидел в углу, попивая чай, и улыбался своей загадочной улыбкой. — Не спрашивайте, где и как. Просто знайте: их достаточно, и они вооружены.

— Татьяна?

— Я свяжусь с молдавской диаспорой, — сказала она. — У них везде свои люди. И они должны мне пару услуг за то, что я когда-то прикрывала их бизнес.

— Иван? — все посмотрели на него.

Иван Николаевич встал, прошёлся по комнате, собираясь с мыслями.

— Я свяжусь со старыми друзьями из ФСБ, — сказал он. — С теми, кто ещё помнит девяностые и кому можно доверять. И с теми, кто работал со мной в Афгане. Они помогут с логистикой, документами, прикрытием.

— А я? — спросил Колян.

— А ты, Артур, будешь нашим журналистом, — улыбнулся Иван. — Будешь писать историю. Прямо с места событий. А если что — прикроешь нас камерой. Иногда видео страшнее автомата.

Они вылетели в Берлин через три дня. Каждый своим маршрутом, со своими документами. Иван — как канадский бизнесмен, Колян — как журналист ВВС, дядя Виталик — как ветеран-турист, Ахмед — с дипломатическим паспортом Иордании, бен Ладен — вообще непонятно как, но он появился в условленном месте ровно в назначенный час.

Встретились в маленьком отеле на окраине Берлина, который принадлежал одному из людей Ахмеда. Отель назывался "Уют", что было иронично, учитывая, что его владелец когда-то минировал дороги в Багдаде.

Наталья Валерьевна уже ждала. Она постарела, но глаза горели всё тем же авантюрным огнём. В руках она держала чемоданчик с надписью "Медицинское оборудование".

— Здорово, мужики (и женщины), — поприветствовала она, обнимая всех по очереди. — Давно не виделись. Лет

десять, кажется.

— Наталья, — обнял её Иван. — Рад, что ты с нами.

— А куда ж я денусь? — усмехнулась она. — Олег — козёл, конечно, если продался. Но он наш козёл. И американцы не имеют права его пытаться. Надо наказывать.

— Что у тебя?

— Есть доступ к системе вентиляции в штабе НАТО и в бункере, — сказала Наталья, открывая чемоданчик. Внутри были ампулы с разноцветными жидкостями. — Могу закачать туда спецсостав. Усыпляющий газ. На три часа все вырубятся. Без вреда для здоровья. Просто крепкий сон.

— А охрана?

— Охрана тоже люди, — пожала плечами Наталья. — Тоже дышат. И тоже спят.

— Три часа нам хватит, — кивнул Иван. — Ахмед, твои люди готовы?

— Готовы, — ответил полковник. — Пятнадцать человек, все с опытом работы в спецназе Саддама. Лучшие из лучших.

— Бен Ладен?

— Мои будут снаружи, — сказал Усама. — Снайперы на крышах, группы прикрытия на машинах. Если что — отобьём.

— Людмила, у тебя есть доступ к их связи?

— Есть, — кивнула бывший директор. — Я внедрилась в систему через Виктора. Он всё сделал.

Виктор Германович довольно улыбнулся, поправляя очки.

— Взломал их спутники за два дня, — похвастался он. — Теперь я вижу всё, что происходит в радиусе ста километров. Каждый чих, каждый шаг. Американцы до сих пор думают, что их система неуязвима. Наивные.

— Отлично, — подвёл итог Иван. — Значит, завтра в полночь начинаем. Цель — захватить Олега живым. И выяснить, кто за ним стоит. А потом — Аляска.

Операция "Освобождение". Ночь

Ночь выдалась тёмной, безлунной, что только играло на руку команде. Виктор Германович сидел в фургоне, наштигованном электроникой, и отслеживал перемещения охраны.

— Три поста на входе, — докладывал он в микрофон. — Ещё два на крыше. Внутри — около двадцати человек. Обычная смена. Через десять минут смена караула — самый удобный момент.

Наталья Валерьевна уже была на месте. Под видом уборщицы она проникла в вентиляционную шахту за час до операции. В руках у неё был баллон с газом.

— Я на позиции, — шепнула она. — Жду сигнала.

— Даю отсчёт, — сказал Иван. — Пять, четыре, три, два, один... Пошёл!

Наталья открыла клапан. Газ бесшумно пошёл по вентиляции. Первыми начали клевать носом охранники на постах. Через пять минут они уже спали крепким сном. Через десять

минут затих весь бункер.

— Есть! — доложила Наталья. — Все спят. У вас три часа.

— Вперёд! — скомандовал Иван.

Люди Ахмеда бесшумно проникли внутрь через запасной вход, который показал завербованный охранник. Колян снимал всё на камеру, закреплённую на шлеме — для истории. Дядя Виталик, несмотря на возраст, двигался как молодой — сказывалась старая закалка и годы тренировок.

Они нашли Олега в камере на третьем подземном уровне. Он сидел на койке, избитый, но с ясными глазами. Когда дверь слетела с петель, он даже не удивился.

— Я знал, что вы придёте, — сказал он хрипло. — Знал.

— Олег, — Иван шагнул вперёд, обнимая друга. — Прости, что долго.

— Ты здесь — уже хорошо, — Олег попытался улыбнуться разбитыми губами. — Но нужно уходить быстро. Через час здесь будет спецназ. У них система автоматического оповещения.

— Уходим! — скомандовал Иван.

Они подхватили Олега и побежали к выходу. Снаружи уже началась стрельба — люди бен Ладена прикрывали отход, отбиваясь от проснувшихся где-то на окраине патрулей. Виктор Германович колдовал над ноутбуком, отключая системы слежения и запуская вирусы в натовские сервера.

— Сюда! — крикнула Наталья, показывая на подземный гараж, где их ждали машины.

Они запрыгнули в три внедорожника и рванули прочь. Погоня началась сразу — вертолёты, дроны, полицейские машины. Но у команды были преимущества — знание города, подготовленные маршруты, отчаянная смелость и Виктор, который менял светофоры через городскую сеть.

Через два часа они были в безопасном месте — загородном доме на территории бывшей военной базы ГДР, которую Людмила Васильевна выкупила через подставные фирмы ещё пять лет назад. Дом был укреплён, как маленькая крепость: бронированные ставни, автономное электричество, подземный бункер и запасы на год вперёд.

Олега уложили на диван. Наталья Валерьевна обработала его раны, сделала обезболивающее. Виктор Германович подключил систему глушения сигналов, чтобы их не засекли по тепловизорам со спутников.

— Жить будет, — сказала Наталья, вытирая руки. — Синяки, пара трещин в рёбрах, истощение. Но для его возраста — крепкий орешек.

— Спасибо, Наташа, — прошептал Олег. — Спасибо всем. Я... я не предавал. Они пытали меня, но я молчал.

— Мы знаем, — кивнул Иван. — Твоя записка с лишней буквой всё сказала.

— Где я? — спросил Олег, оглядываясь.

— В Германии, но в безопасном месте, — ответила Людмила. — Бывшая база Штази. Теперь наша.

— Штази? — Олег слабо улыбнулся. — Ирония судьбы.

Меня пытало НАТО, а спасают коммунисты.

— Не коммунисты, — поправила Людмила. — Товарищи. Хотя сейчас это почти одно и то же.

Допрос Олега. Полная картина

Через два дня, когда Олег немного окреп, они собрались в подземном бункере. Олег сидел в кресле, укутанный пледом, но глаза его снова горели тем самым огнём, который делал его легендарным физиком-ядерщиком.

— Рассказывай всё, — приказал Иван. — С самого начала.

Олег глубоко вздохнул и начал:

— Три месяца назад я возвращался из Ирана. В Стамбуле меня перехватили. Не турки, не местные — американцы. ЦРУ. Они следили за мной давно, знали все мои явки, все пароли. Предложили сделку: я сдаю вас, они дают мне новую жизнь в США.

— И ты согласился? — жёстко спросил дядя Виталик.

— Я сделал вид, что согласился, — ответил Олег. — Думал, что смогу их переиграть. Сливал минимальную информацию, тянул время. Но они быстро поняли. Через месяц меня схватили и привезли в этот бункер. Начали обработку.

— Какую обработку? — спросил Колян.

— Психотропные препараты, — Олег поморщился. — Электрошок. Лишение сна. Угрозы дочери. Они хотели, чтобы я дал полные показания на всех вас. Чтобы я назвал все ваши имена, места, где вы живёте, ваши слабые места.

— И ты назвал?

— Я назвал только то, что они и так знали, — твёрдо сказал Олег. — Имена, которые есть в открытых источниках. Старые явки, которые уже не работают. И добавил несколько ложных следов, чтобы увести их подальше. Например, сказал, что вы, Иван, живёте в Канаде под именем Джона Смита. Они до сих пор ищут вас там.

Иван усмехнулся:

— Молодец. А что насчёт Аляски? Они знают?

— Знают, — кивнул Олег. — Генерал Стивенсон лично допрашивал меня об этом. У них есть информация, что Россия готовит операцию по возвращению Аляски. Но они не знают деталей. Думают, что это будет военное вторжение. И готовятся отражать атаку с воздуха.

— А мы ударим с земли, — довольно сказала Людмила. — Через местное население.

— Расскажи про Стивенсона, — попросил Ахмед. — Кто он?

— Генерал Марк Стивенсон, — Олег даже сплюнул. — Пятьдесят пять лет, глава европейского подразделения ЦРУ. Холёный, самодовольный, жестокий. Лично участвовал в пытках. Говорит, что ненавидит русских и всех, кто с ними связан. Мечтает уничтожить нашу команду.

— Значит, мы его опередим, — пообещал бен Ладен. — У меня с ним старые счёты. Он в две тысячи третьем бомбил мои лагеря в Тора-Боре.

— У всех с ним счёты, — кивнул Ахмед. — Мою семью убили по его приказу.

— Тогда решено, — подвёл итог Иван. — Сначала уничтожаем Стивенсона и его сеть. Потом — Аляска.

Операция "Мсть". Охота на генерала

Генерал Стивенсон жил в укреплённой резиденции под Берлином. Дом охранялся как тюрьма строгого режима: стены с колючей проволокой, камеры по периметру, патрули с собаками, вертолётная площадка на крыше.

Но у команды Ивана был козырь — Наталья Валерьевна и её химия.

— Я сделаю ему сюрприз, — сказала она, показывая маленькую ампулу с прозрачной жидкостью. — Нервно-паралитический газ. Без цвета, без запаха. Попадает в организм через кожу. Через минуту — паралич, через пять — остановка сердца. Никаких следов, вскрытие покажет естественные причины.

— Ты уверена? — спросил Иван.

— На себе проверяла, — усмехнулась Наталья. — На мышах, конечно.

— Как доставим?

— Через вентиляцию, — предложил Виктор. — Я взломаю систему умного дома, открою клапаны ровно в три ночи, когда он спит.

— Нет, — покачал головой Ахмед. — Он должен знать, за что умирает. Это не просто убийство, это возмездие.

— Согласен, — кивнул бен Ладен. — Я хочу видеть его глаза.

— Тогда идём вместе, — решил Иван. — Штурм резиденции. Ворвёмся, захватим его живьём, допросим и... решим по справедливости.

— Это самоубийство, — заметил Виктор. — Там охрана, сигнализация, спецназ на подхвате.

— Зато какой финал, — усмехнулся дядя Виталик. — Я за!

Штурм резиденции

Через неделю, когда Олег достаточно окреп, чтобы держать автомат, они начали операцию. Ночь была тёмной, моросил дождь — идеальная погода для такого дела.

Виктор Германович отключил всю электронику в радиусе километра — глушилка работала на полную мощность. Камеры погасли, сигнализация замолчала, связь с внешним миром оборвалась.

Люди Ахмеда бесшумно сняли наружную охрану — ножи, удары прикладами, никакой стрельбы. Бойцы бен Ладена заняли позиции на крышах соседних домов, готовые прикрыть отход.

Иван, Олег, дядя Виталик, Ахмед и сам бен Ладен вошли в дом через чёрный ход. Наталья Валерьевна осталась снаружи с машинами — на случай экстренной эвакуации.

Они поднялись на третий этаж, где была спальня генерала. Дверь была бронированной, но Виктор заранее добыл код

доступа через своего человека в ЦРУ.

— Три, два, один... — Иван кивнул.

Дверь открылась бесшумно. Они ворвались в комнату.

Генерал Стивенсон сидел в кресле с бокалом виски и смотрел телевизор, где показывали новости о беспорядках в Молдавии. Он даже не вздрогнул.

— Я ждал вас, — сказал он спокойно. — Знал, что вы придёте.

— Вставай, — приказал Иван, наводя пистолет.

— Не встану, — усмехнулся генерал. — Вы опоздали. Через пять минут здесь будет спецназ. Ваши глушилки вырубались, сигнал тревоги ушёл автоматически.

— Врёшь, — сказал Виктор по рации. — Я всё контролирую.

— Контролируешь? — генерал нажал кнопку на пульте. Экран телевизора мигнул и показал карту — десятки красных точек приближались к дому. — Видишь? Это вертолёт. Пять минут, и вы трупы.

— Тогда мы успеем, — сказал бен Ладен, подходя ближе. — Узнаёшь меня, Марк?

Генерал присмотрелся и побледнел.

— Ты... ты мёртв!

— Я жив, — улыбнулся Усама. — И пришёл за тобой.

Он вытащил нож. Генерал дёрнулся, но Олег и дядя Виталик уже скрутили его.

— Подожди, — остановил Иван. — Сначала допрос.

— Некогда! — крикнул Ахмед. — Вертушки в двух минутах!

— Быстро! — Иван приставил пистолет к голове генерала. — Кто ещё в курсе про Аляску? Кто куратор? Где документы?

— Пошёл ты... — выдохнул Стивенсон.

— Не хочешь по-хорошему, — вздохнул Иван и выстрелил генералу в колено.

Тот заорал.

— Говори, или следующая — голова!

— В сейфе! — закричал генерал. — Код 1917! Там всё! Имена, планы, контакты!

Виктор рванул к сейфу, набрал код. Внутри были папки, флешки, диски.

— Всё взял! — крикнул он.

— Уходим! — скомандовал Иван.

Они побежали к выходу, но в этот момент вертолёт уже были над домом. Лучи прожекторов зашарили по двору.

— Нас засекли! — крикнула Наталья по радиации. — Быстрее!

Они выбежали во двор, прыгнули в машины и рванули в ночь. Вертолёт преследовали их, но Виктор включил систему постановки помех, и ракеты ушли в молоко.

Через час они были на подземной парковке торгового центра, где их ждали другие машины и свежие документы. Операция "Месть" удалась.

Генерал Стивенсон. Финал

А что стало с генералом? Они оставили его в доме, истекающего кровью. Спецназ, ворвавшийся через минуту после их отъезда, нашёл своего командира в луже крови с простреленным коленом.

— Кто это сделал? — спросил капитан спецназа.

— Русские, — прошептал Стивенсон. — И... бен Ладен. Он жив.

Капитан рассмеялся:

— Сэр, у вас бред. Бен Ладен мёртв уже двадцать лет.

— Он жив! — закричал генерал. — Я видел его!

Через месяц генерала Стивенсона тихо уволили из ЦРУ с диагнозом "посттравматический синдром и профессиональная непригодность". Он доживал свой век в доме престарелых для ветеранов, где каждую ночь просыпался с криками: "Они идут!".

Никто ему не верил.

Операция "Аляска". Подготовка

Следующие три месяца команда готовилась к главному удару. Людмила Васильевна координировала действия с Москвой. Виктор Германович взламывал американские сервера. Наталья Валерьевна варила газ в промышленных масштабах. Ахмед вербовал агентов среди коренных жителей Аляски. Бен Ладен организовывал отвлекающие манёвры по всему миру. Олег восстанавливал силы и проектировал систему электромагнитного подавления.

Иван Николаевич разрабатывал общий план.

— Аляска — это не просто штат, — говорил он, водя указкой по карте. — Это огромная территория с небольшим населением. Там живут всего семьсот тысяч человек. Половина из них — коренные народы, которые недовольны политикой Вашингтона. Они мечтают о независимости.

— А мы им эту независимость подарим, — усмехнулась Людмила. — С возможностью присоединиться к России.

— Именно, — кивнул Иван. — Мы проведём референдум. Честный, демократический. Пусть народ сам решает.

— А если они решат остаться с США? — спросил Колян.

— Не решат, — уверенно сказала Татьяна. — Потому что мы сделаем так, что решат.

— Это нечестно, — заметил Колян.

— Политика, Артур, — вздохнул Иван. — Она никогда не была честной. Но иногда нужно выбирать между плохим и очень плохим. Мы выбираем меньшее зло.

День "Ч". Аляска

Двадцатого октября, в день, когда на Аляске начались сильные холода, команда приступила к операции.

Виктор Германович взломал финансовую систему США. На биржах началась паника, банки закрылись, люди не могли снять деньги. Американская экономика замерла на три дня.

Бен Ладен организовал серию взрывов в пустующих зданиях в Нью-Йорке, Чикаго и Лос-Анджелесе. Никто не пострадал, но паника была дикая. Телеканалы круглосуточно

вещали о "новой волне террора".

Ахмед поднял восстание в Ираке. Американские войска срочно перебросили туда дополнительные силы, оголив другие направления, включая Аляску.

Татьяна Викторовна вывела людей на улицы Кишинёва. Молдавия запылала протестами. НАТО пришлось срочно созывать совещания, думая, что начинается новый военный конфликт в Европе.

А Наталья Валерьевна тем временем закачала свой газ в системы вентиляции по всей Аляске. Не сильный, не смертельный — просто лёгкое снотворное, которое вызвало у населения сонливость и апатию. Люди засыпали прямо на рабочих местах, за рулём, дома. Активность упала до нуля.

В этот момент на Аляску высадился "десант добровольцев" — тысяча человек, завербованных Ахмедом и бен Ладеном из числа бывших военных, недовольных американской политикой. Они быстро организовали "референдум" в каждом городе и посёлке.

Урны для голосования стояли прямо на улицах. Голосовать можно было хоть по пять раз — никто не проверял. Местные жители, проснувшись через сутки, узнали, что их штат проголосовал за независимость от США и за присоединение к России с результатом 87% "за".

— Это фальшивка! — кричали американские политики по всем каналам. — Это нарушение международного права!

— Это воля народа, — отвечала Людмила Васильевна в

эфире всех российских каналов. — Мы лишь помогли ей выразиться.

Президент России выступил с обращением:

— Мы не можем игнорировать желание братского народа воссоединиться с исторической родиной. Аляска всегда была русской землёй. Она продана незаконно, и теперь справедливость восторжествовала. Добро пожаловать домой!

Реакция мировых лидеров

В Белом доме объявили чрезвычайное положение. Президент США срочно созвал Совет национальной безопасности.

— Как это произошло? — орал он на директора ЦРУ. — Как Россия захватила Аляску без единого выстрела?

— Это не Россия, господин президент, — оправдывался директор. — Это частная инициатива. Группа лиц, связанных с бывшими террористами и российскими спецслужбами.

— И что нам делать? Начинать войну?

— Нельзя, — сказал госсекретарь. — Общественное мнение не поддержит. Они говорят о референдуме, о воле народа. Если мы начнём войну, нас объявят агрессорами.

— А экономические санкции?

— Уже ввели, но Россия к ним привыкла.

— Тогда что?!

Все молчали.

В Кремле, наоборот, царило ликование. Президент России лично позвонил Людмиле Васильевне.

— Поздравляю, товарищ, — сказал он. — Вы совершили невозможное. Страна в долгу перед вами.

— Мы лишь исполнили свой долг, — скромно ответила Людмила.

— Какие награды вы хотите?

— Никаких, — отрезала она. — Мы делали это не за награды. Мы делали это за справедливость.

В штаб-квартире НАТО царила паника. Генералы металась по кабинетам, не зная, как реагировать.

— Это акт агрессии! — кричали одни.

— Это внутреннее дело США, — возражали другие.

— Аляска теперь российская. Что будем делать?

— Ничего, — подвёл итог верховный главнокомандующий. — Пока ничего. Мы не готовы к войне с Россией из-за территории, которую они считают своей исторически.

В Пекине внимательно следили за событиями. Председатель КНР улыбнулся:

— Интересный метод. Надо взять на заметку. Тайвань, вы там слышите?

Через месяц, когда страсти немного улеглись, команда снова собралась в бане. Теперь уже в новой, большой, построенной специально для таких встреч на окраине города. Иван Николаевич лично выбирал каждый веник.

Здесь были все: Иван, Колян, дядя Виталик, Виктор Германович, Олег Александрович (почти здоровый), Татьяна Викторовна, Ахмед, бен Ладен, Наталья Валерьевна и Люд-

мила Васильевна.

— Ну что, — поднял тост Иван. — За победу!

— За победу! — грянули все.

— И за то, что мы снова вместе, — добавил Колян.

— За дружбу, — кивнул Ахмед.

— За мир во всём мире, — усмехнулся бен Ладен. — Но под нашим контролем.

Все засмеялись.

— А что с Олегом? — спросил Виктор, кивая на друга.

— А что Олег? — улыбнулся тот. — Олег теперь будет консультантом по безопасности на Аляске. Людмила уже договорилась.

— Работа есть работа, — довольно сказала Людмила. — А вы, кстати, тоже можете получить должности. Кому что интересно?

— Мне бы баню, — мечтательно сказал дядя Виталик. — Свою баню. На берегу океана.

— Будет тебе баня, — пообещал Иван. — Всем будет.

— А я хочу в архив, — сказал Колян. — Все эти документы, все эти истории... Я напишу книгу. Самую честную книгу о нашем времени.

— Назовёшь "Баня"? — усмехнулся Виктор.

— Можно и так, — улыбнулся Колян.

Иван Николаевич

Он так и остался в той самой бане, которая стала штаб-квартирой легенд. К нему приезжали со всего мира — жур-

налисты, политики, старые друзья, молодые авантюристы. Он принимал гостей, заваривал чай с кардамоном и иногда рассказывал истории. Говорят, к нему приезжал даже президент России, чтобы пожать руку и сказать спасибо за Аляску. Иван только усмехнулся: "Пустяки, работа такая".

Колян Артуров

Он написал книгу. Не просто книгу — эпопею в трёх томах под названием "Баня. История одной легенды". Книга стала бестселлером, её перевели на двадцать языков. Голливуд хотел снять фильм, но Колян отказался: "Эти актёры не сыграют моих учителей". Он женился на девушке по имени Анна, которая работала редактором в его издательстве. У них родилось двое детей — мальчик Иван и девочка Елена. Крёстным отцом стал, конечно, Иван Николаевич.

Дядя Виталик

Он уехал на Аляску. Купил небольшой домик на берегу океана, открыл баню. К нему приезжали местные жители, ветераны, просто любители пара. Виталик парил их берёзовыми вениками, рассказывал истории из своей бурной молодости. Иногда к нему заглядывали старые друзья — выпить чаю, вспомнить былое. Он больше никогда не пил алкоголя, даже не притрагивался. Говорил: "Сын спас — не могу подвести".

Олег Александрович

Он стал главным консультантом по безопасности на Аляске. Его опыт работы с ядерными материалами и системами

электромагнитного подавления оказался бесценным. Он построил систему защиты новой территории от любых посягательств извне. Говорят, ни один американский дрон больше не мог приблизиться к Аляске ближе чем на сто километров — Олег поставил такие глушилки, что техника просто падала. Он наконец воссоединился с дочерью, которая приехала к нему из Германии. Они не виделись двадцать лет.

Виктор Германович

Он возглавил киберкомандование новой территории. Его хакерские таланты теперь работали на благо России и Аляски. Он создал систему, которая отслеживала любые попытки взлома со стороны США и НАТО и отвечала зеркально. Говорят, он однажды взломал личный аккаунт президента США в твиттере и написал от его имени: "Аляска наша? Ну и ладно". Правда это или нет — история умалчивает.

Татьяна Викторовна

Она стала губернатором Аляски. Первым губернатором в истории, который когда-то пытался свергнуть правительство Германии. Её энергия и напор оказались как нельзя кстати на новой земле. Она строила школы, больницы, дороги. Открывала русско-алаяскинские культурные центры. Говорят, её сестра-президент Молдавии Майя Санду так и не признала в ней родственницу, но тайно гордилась. Иногда они созванивались по защищённой связи и болтали о жизни, как обычные сёстры.

Ахмед аль-Рашид

Он стал советником по безопасности на Аляске, но тоска по родине звала его обратно. Через год он вернулся в Ирак, где помогал восстанавливать страну. Его опыт партизанской войны оказался востребован в борьбе с остатками ИГИЛ. Он дожил до глубокой старости, окружённый уважением и почётом. Иван Николаевич прилетал к нему на восьмидесятилетие. Они сидели в саду, пили чай с кардамоном и молчали. Молчание было красноречивее любых слов.

Усама бен Ладен

Он наконец-то отошёл от дел. Поселился в горах Афганистана, в маленьком кишлаке, где его знали как "доктора Усаму" — старого мудреца, который лечит травами и даёт советы. Иногда к нему приезжали старые друзья — Ахмед, Иван. Они пили чай, вспоминали прошлое. Усама больше не говорил о джихаде. Он говорил о мире, о Боге, о том, что всё суета. Умер он тихо, во сне, на девяносто втором году жизни. В новостях мелькнула маленькая заметка: "В Афганистане умер старец, которого местные считали героем". Никто не связал его с тем бен Ладеном.

Наталья Валерьевна

Она открыла сеть бань по всей Аляске с уникальными травяными сборами. Говорят, её бани посещали даже высокие гости из Москвы. Она разработала специальные рецепты чаёв и настоек, которые лечили от всех болезней. Никакой химии — только травы, собранные в горах и лесах. Бизнес процветал. Наталья стала миллионершей, но не зазналась. Каж-

дое лето она приезжала в баню к Ивану Николаевичу, привозила новые рецепты и парилась со старыми друзьями.

Людмила Васильевна

Она стала депутатом Госдумы от Аляски. Её речи гремели в парламенте: она требовала вернуть ещё и Калифорнию, и Форт-Росс, и даже Гавайи, где когда-то были русские крепости. Коллеги посмеивались, но втайне уважали. Она никогда не пила, не курила, не участвовала в коррупционных схемах. Просто делала своё дело. Когда её спрашивали, как она связалась с "этими авантюристами", она отвечала: "Они не авантюристы. Они герои. Просто время такое было".

Последний вечер в бане

Они снова собрались все вместе через год после победы. Сидели в той самой бане, пили чай, вспоминали.

— А знаете, — сказал Иван Николаевич, оглядывая своих друзей. — Я ведь никогда не мечтал о таком. О семье. О друзьях. О том, чтобы вот так сидеть и вспоминать. А оно само как-то получилось.

— Само не получилось, — возразил Колян. — Это вы всё сделали. Вы нас всех собрали.

— Не я, — покачал головой Иван. — Судьба.

— Или Провидение, — добавил бен Ладен.

— Или Аллах, — кивнул Ахмед.

— Или партия, — усмехнулась Людмила.

— Или просто жизнь, — подвёл итог дядя Виталик.

Они чокнулись кружками с чаем и долго сидели молча,

глядя на догорающие угли.

А за окном светило солнце. И мир, такой огромный и загадочный, лежал у их ног. Теперь уже навсегда.

Эпилог.

Это случилось через полгода после возвращения Аляски.

Та ночь выдалась морозной, под минус тридцать. Иван Николаевич, как обычно, затопил баню — любил он это дело, особенно когда на душе было беспокойно. Старые раны ныли к непогоде, а в последнее время он часто вспоминал прошлое. Слишком много врагов оставил он за спиной за эти десятилетия. Слишком многие хотели бы увидеть его мёртвым.

Он сидел в предбаннике, заварничал чай с кардамоном, смотрел на огонь в печи и думал о жизни. Хорошая была жизнь. Трудная, грешная, но честная. Он никогда не предавал своих. Никогда не стрелял в спину. Всегда платил по счетам.

Вдруг он услышал подозрительный шорох снаружи. Интуиция, отточенная за десятилетия войн, заставила его насторожиться. Он выглянул в маленькое окошко и увидел, как несколько теней движутся вокруг бани. В руках у них были канистры.

— Твою ж дивизию, — выдохнул он.

Иван рванул к двери, но было поздно. Стены уже полыхали с трёх сторон. Кто-то облил их бензином и поджёг. Пламя взметнулось мгновенно, отрезая путь к спасению.

Иван схватил полотенце, намочил водой, закрыл лицо и

попытался прорваться к выходу. Дверь была заблокирована снаружи — подпёрта бревном. Он бился в неё плечом раз, другой, третий — но годы брали своё. Сил уже не было.

Дым застилал глаза, пламя лизало потолок. Иван отступил в центр предбанника, понимая, что это конец.

Он не кричал. Не звал на помощь. Он просто сел на лавку, налил себе ещё чаю (странно, но кружка ещё была цела) и закурил последнюю сигарету.

— Ну вот и всё, — сказал он вслух. — А я думал, меня пуля возьмёт. Или нож. А вышло — огонь. Тоже неплохо.

Он посмотрел на фотографии, висевшие на стене. Вот он с Коляном, вот с Олегом и Виктором в той самой бане, вот Ахмед, вот бен Ладен, вот Татьяна, вот все вместе. Хорошая была команда. Лучшая в мире.

— Прощайте, братцы, — прошептал Иван. — Спасибо за всё.

Крыша рухнула, погребая под собой легенду.

К утру от бани остались только обгоревшие брёвна, почерневшая печь и пепел, который тихо кружился на ветру.

Первым примчался Колян. Ему позвонили соседи, видевшие пожар. Он бежал по снегу в тапочках, без шапки, не чувствуя холода. Увидев пепелище, он упал на колени.

— Нет, — закричал он. — Нет! Только не вы!

Подъехали Олег и Виктор. Олег выскочил из машины, застыл, побелел, схватился за сердце. Виктор молча сел на снег и уставился в одну точку.

Приехал дядя Виталик. Он не плакал — он просто стоял и смотрел, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони.

— Кто? — спросил он глухо. — Кто это сделал?

— Не знаю, — ответил Колян сквозь слёзы. — Но я найду. Клянусь.

Через час на пепелище собрались все, кто мог приехать. Татьяна Викторовна прилетела из Молдавии, Наталья Валерьевна — с Аляски. Ахмед и бен Ладен связались по спутниковой связи, их лица на экранах были бледны.

— Мы найдём, — сказал Ахмед. — Клянусь Аллахом.

— Я подключу всех своих людей, — пообещал бен Ладен.

— Весь мир перероем.

— И я, — добавила Людмила Васильевна, которая приехала последней. Она стояла у пепелища, сухая, поджатая, но в глазах её блестели слёзы. — Я подключу все ресурсы. Этого так не оставлю.

Они стояли вокруг того, что осталось от бани — места, где ковалась история, где решались судьбы мира, где они были счастливы.

— Что теперь? — спросил Колян.

— Теперь — месть, — ответил Олег. — Мы найдём убийц и накажем. Чего бы это ни стоило.

— Иван не хотел бы мести, — тихо сказал дядя Виталик.

— Он всегда говорил: «Не тратьте жизнь на ненависть».

— Он хотел бы, чтобы мы жили дальше, — добавила Татьяна. — Чтобы помнили его и жили.

— Жить будем, — пообещал Колян. — Но сначала — правда. Я узнаю, кто это сделал.

Виктор Германович подключил все свои хакерские возможности. Через три дня он нашёл заказчиков.

— Это был Сергей Петрович, — сказал он, глядя в монитор. — Тот самый из комиссии, который работал на ФБР. Он затаил обиду на Ивана за то, что его разоблачили. Нанял людей, заплатил им. Они подожгли баню и скрылись.

— Где он сейчас? — спросил Олег.

— В Белоруссии. Под чужим именем. Думает, что в безопасности.

— Ошибается, — усмехнулся Ахмед.

Через неделю Сергея Петровича нашли в его съёмной квартире в Минске. Он не ожидал визита. Дверь выбили люди Ахмеда, бесшумно и быстро.

— Вы кто? — закричал он, пятясь к стене.

— Мы те, кого ты сделал сиротами, — ответил Олег, входя в комнату.

— Я не понимаю...

— Иван Николаевич. Баня. Помнишь?

Сергей Петрович побледнел.

— Это не я! Я только дал деньги! Я не знал, что они его убьют!

— А что ты думал? — спросил дядя Виталик. — Что они просто попугают?

— Я... я заплачу! Всё отдам!

— Поздно, — сказал Колян.

Что было дальше — история умалчивает. Известно только, что Сергей Петрович исчез. Никто никогда не нашёл его тела. А те двое, что поджигали баню, были найдены через месяц в разных концах страны — оба мёртвые, с одинаковыми записками: «За Ивана».

Похороны Ивана Николаевича стали событием мирового масштаба. Тысячи людей пришли проститься. Ветераны Афганистана, Чечни, Ирака, Сирии. Старые друзья, соратники, ученики. Журналисты со всего мира. Даже те, кто когда-то был его врагом, пришли отдать дань уважения.

Гроб был закрытым — от Ивана почти ничего не осталось. Но на крышку положили его старую милицескую фуражку, ордена и фотографию, где он молодой, в Афганистане, с автоматом и улыбкой.

Колян нёс гроб вместе с Олегом, Виктором, дядей Виталиком, Ахмедом и бен Ладеном (который рискнул появиться на публике впервые за много лет, замаскированный под арабского шейха).

Надгробие поставили прямо на месте сгоревшей бани. На чёрном мраморе выбили: **«Иван Николаевич. Учитель, воин, друг. Тот, кто изменил мир, оставаясь в тени»**.

И даты. Длинная жизнь. Достойная смерть.

Через год они снова собрались на пепелище. Снег растаял, пробивалась первая трава. На месте бани стоял только памятник и маленькая скамейка.

Они сидели на скамейке — Колян, дядя Виталик, Олег, Виктор, Татьяна, Наталья, Людмила. Ахмед и бен Ладен смотрели через экраны планшетов.

— Помните, как он парился? — улыбнулся Олег. — Веником так хлестал — искры из глаз.

— Помню, — кивнул дядя Виталик. — Говорил: «Баня лечит душу. А война — калечит».

— Он был прав, — сказал Колян. — Душа у него была чистая. Несмотря ни на что.

— Что будем делать дальше? — спросил Виктор.

— Жить, — ответил Колян. — Как он завещал. Помнить его и жить.

— А месть?

— Мы уже отомстили, — сказал Олег. — Теперь просто жить.

Они помолчали.

— Знаете, — вдруг сказала Татьяна. — Мне кажется, он здесь. Смотрит на нас.

— Конечно, здесь, — усмехнулся дядя Виталик. — Куда ж он денется. Это же его место.

Они посидели ещё немного, потом разъехались. Каждый по своим делам, по своим жизням. Но обещали собираться здесь каждый год.

И каждый год они собирались. Сидели на скамейке, пили чай с кардамоном (теперь это была традиция), вспоминали Ивана Николаевича и ту удивительную жизнь, которую он

им подарил.

Несколько лет спустя.

Колян Артуров, теперь уже состоявшийся мужчина, сидел на той самой скамейке. Рядом с ним сидел его сын, названный Иваном в честь учителя.

— Пап, расскажи про него, — попросил мальчик.

— Про кого?

— Про дедушку Ивана. Про того, кто изменил мир.

Колян улыбнулся и посмотрел на памятник.

— Это была длинная история, сынок. Очень длинная.

— А ты расскажи. Я никуда не спешу.

И Колян начал рассказывать. Про баню, про учителей, про приключения, про войну, про дружбу, про любовь. Про то, как горстка людей может изменить историю. И про то, что даже когда уходят легенды, они остаются в наших сердцах.

Солнце садилось за горизонт, освещая памятник тёплым светом. Где-то вдалеке пели птицы. И мир продолжался.

Потому что пока мы помним — они живы.

26.07.2026

"КОНЕЦ. ИЛИ НЕТ."

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.